

Казахстанский
центр
гуманитарно-
политической
политики

Нуртай МУСТАФАЕВ

**Этнические,
мигрантские конфликты и
профилактическая этнополитика**

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры

Нуртай МУСТАФАЕВ

**ЭТНИЧЕСКИЕ, МИГРАНТСКИЕ КОНФЛИКТЫ И
ПРЕВЕНТИВНАЯ ЭТНОПОЛИТИКА**

Алматы, 2009.

ББК 66.5 (5 Каз)
М 91

Научное издание

Ответственный редактор: М.Б. Асанбаев

Рецензент: Е.К. Алияров

Этнические, мигрантские конфликты и превентивная этнополитика.
Н.И. Мустафаев. — Алматы: Казахстанский центр гуманитарно-политической
конъюнктуры, 2009. — 89 с.

ISBN 9956-21-621-5

Исследование посвящено анализу этнических и мигрантских конфликтов в современном Казахстане. Представлены обзор межэтнических конфликтов в Казахстане, факторный анализ этнических и мигрантских конфликтов, методология и методика исследования актуальных для Казахстана конфликтов.

Автор — политический аналитик, этнополитолог, главный эксперт Казахстанского центра гуманитарно-политических исследований. Аналитическое исследование адресуется политическим аналитикам, этнополитологам, политикам, общественности.

ББК 66.5 (5 Каз)

ISBN 9965-21-621-5

© Мустафаев Н.И., 2009
© Казахстанский центр
гуманитарно-политической
конъюнктуры, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАЗДЕЛ 1. МИФЫ КАЗАХСТАНСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ	6
1.1. Миф о «нациях» Казахстана	7
1.2. Другие этнополитические мифы	15
РАЗДЕЛ 2. ОБЗОР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В КАЗАХСТАНЕ	19
2.1. Межэтнические конфликты: критерии	19
2.2. Обзор межэтнических конфликтов	20
2.3. Декабрьские события 1986 года	38
РАЗДЕЛ 3. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	41
3.1. Критерии фактора межэтнических противоречий	41
3.2. Выводы	44
3.3. Рекомендации	46
РАЗДЕЛ 4. ВНУТРИЭТНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: ТРАЙБАЛИЗМ.	48
4.1. Критерии фактора внутриэтнических противоречий (роста трайбализма)	48
4.2. Выводы	51
4.3. Рекомендации	52
РАЗДЕЛ 5. НЕУПРАВЛЯЕМАЯ ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ	53
5.1. Критерии фактора неуправляемой внутренней миграции	53
5.2. Выводы	55
5.3. Рекомендации	60
РАЗДЕЛ 6. УРОВЕНЬ КОНФЛИКТНОСТИ В РЕГИОНАХ	61
6.1. Индикаторы конфликтности, коэффициент конфликтности	61
6.2. Очаги потенциальных конфликтов	62
РАЗДЕЛ 7. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	64
7.1. Методология и методика исследования актуальных для Казахстана конфликтов	64
7.2. Критерии оценки факторов конфликтного потенциала	66
7.3. Оценка угроз и рисков	67
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ МИФАХ	69

Приложение 1. Этнический состав населения РК на начало января 2008 года 84

Приложение 2. Сведения о численности оралманов, прибывших из иностранных государств за период с 1991 года по 2007 год 87

Межэтнические столкновения, имевшие место в Казахстане накануне распада СССР и в постсоветский период имеют разные причины. Если противоречия между казахами и русскими на рубеже 1980—1990-х годов на фоне форсированного распада квазифедерации Союза ССР и создания реального независимого государства отражали актуальность статусных противоречий, то обострение межэтнических отношений между казахами и чеченцами, ингушами, лезгинами в 1989-1992 годы было вызвано социально-экономическими причинами, когда интересы местного казахского населения оказались ущемленными.

С 2000 года в Казахстане обозначились новые формы локальных межэтнических противоречий и столкновений между казахами с одной стороны и представителями ряда этнических групп — уйгурами, курдами, чеченцами, ингушами и другими малыми этническими группами. Однако в отличие от конфликтов 1989-1992 годов, в этих конфликтах наблюдается новая закономерность — столкновения происходят в местах компактного проживания вышеуказанных малых этнических групп, а это уже является совершенно иной постановкой проблемы. В своей книге Нуртай Мустафаев представляет анализ этих событий, который показывает, что начавшиеся с 2000 года конфликты имеют более широкий охват и более глубокую линию разлома. Это позволяет классифицировать их как следствие серьезных, неизбежных в любом полиэтническом обществе, но разрешимых межэтнических противоречий. Именно с этого периода можно уже говорить, что происходящие в Казахстане конфликтные ситуации и столкновения с участием представителей различных этнических групп становятся, по своей сути, межэтническими конфликтами. Важно также отметить, что причины двух последних видов конфликтов (конфликты 1989-1992 гг., а также конфликты, имевшие место с 2000 г.) лежат гораздо шире нерешенных экономических, социальных и демографических проблем казахстанского общества. Они не поддаются однозначной оценке, поскольку в их основе лежит широкий спектр проблем, обусловленных как социально-экономическими проблемами, так и серией криминально-бытовых разборок и межэтнических противостояний. По имеющимся сведениям мы можем констатировать лишь закономерность развёртывания данного тренда. Она заключается в том, что конфликтные обострения вначале происходят в молодежной среде на почве экономической конкуренции и криминально-бытовых разборок, но затем, как правило, трансформируются и перетекают в межэтническую плоскость.

Автор книги Нуртай Мустафаев — лауреат премии Национальной академии наук им. Алькея Маргулана, долгие годы занимающийся этнополитологией, миграциологией, анализом внутренней политики, партийной системы и национальной безопасности, известен не только как специалист в сфере прикладной политологии, но и как политический аналитик, публицист.

Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры продолжит публикацию исследований, приоткрывающих завесу «закрытых» по определению методик по ключевым для государства и общества проблемам.

*Мухит Асанбаев,
Вице-президент Казахстанского центра
гуманитарно-политической конъюнктуры,
кандидат политических наук*

РАЗДЕЛ 1. МИФЫ КАЗАХСТАНСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ

Межэтнические противоречия, потенциал межэтнических конфликтов сохраняются в любом полиэтническом государстве, в том числе в Казахстане, как одним из государств мира с высоким уровнем полиэтничности населения.

Межэтнические отношения в Казахстане – один из ключевых факторов развития государства и общества. Будучи приоритетом внутренней политики государства, одной из главных задач которой ставится сохранение межэтнического согласия и предметом специальных исследований политологов, межэтнические отношения активно дискутируются в СМИ, обществе.

Основные принципы реализуемой государством политики в сфере межэтнических отношений определились с принятием в 1995 году ныне действующей Конституции РК. Тем не менее, спустя почти полтора десятилетия в массовом сознании, также как и на начальном этапе становления новой государственности Казахстана, сохраняются восходящие к советскому периоду и новые этнополитические мифы, ложные этнические стереотипы.

В рамках парадигмы массового сознания этносы совершенно особый, едва ли не «вечный» феномен. Чем древнее этнос, как правило, собственный этнос, тем он «культурней», «престижней», имеет большие, нежели иные этносы, претензии во властной, политико-правой, экономической сферах. Иррациональность и непродуктивность данного широко распространенного восприятия в том, что игнорируются либо недооцениваются очевидные, лежащие на поверхности социальные, экономические и политические факторы, а природа, причины этноконфликтов следуют из самой этничности, неких особых свойств этносов, восходящих к теряющимся в глубине столетий, тысячелетий начальным фазам этногенеза. Данное понимание этносов и межэтнических отношений, отражая отвергнутый современной этнополитологией примордиалистский подход¹, тем не менее, широко распространено в обществе, часто декларируется политиками, руководствующимися конъюнктурными соображениями.

Парадоксы казахстанской этнополитики и ее восприятия бросаются в глаза при анализе проблемы уже в самом первом приближении. Среди населения, со стороны публицистов, политиков, а также части специалистов транслируются не доказательные, противоречивые, зачастую диаметрально противоположные трактовки самых базовых, исходных понятий, «первоэлементов» казахстанской этнополитики, межэтнических противоречий, межэтнических конфликтов.

Например, что такое этнос и что такое нация, как они соотносятся и в чем их принципиальное отличие? Что из себя представляет нация в Казахстане? Каковы параметры нации в Казахстане: казахстанская нация, как общность всех

¹ В рамках примордиализма, этнос – общность по крови (происхождению), языку, обычаям, психическому складу людей, этничность – природное, сущностное, врожденное качество.

граждан страны, государства Республики Казахстан, либо по версии сторонников этнического подхода нет казахстанской нации, а есть казахская нация, или согласно третьим, в Казахстане много наций: казахская, русская, узбекская, уйгурская, татарская, чеченская и множество других? Действительно ли полиэтничность Казахстана настолько высока, что определяется формулой «120 национальностей», или в противовес этой метафоре, может быть выражена другой, очевидно схематичной формулой – «два этноса – казахи и русские»? Что такое этноконфликт и являются ли, например декабрьские события 1986 года исключительно «политическим конфликтом» и ничем более, а события в Чилике, Тенгизе 2006 года, Маловодном, Маятасе 2007 года исключительно «бытовым конфликтом», «трудовым конфликтом», «межличностным конфликтом», «криминальным инцидентом»?

1.1. Миф о «нациях» Казахстана

Сколько наций в Казахстане? Есть ли вообще казахская нация, русская нация, уйгурская и другие? В нынешних реалиях Казахстана, здесь и сейчас. Многие, как ни странно, смутно предполагают, что есть. Национал-патриоты даже не ставят этот вопрос, считая ответ на него само собой разумеющимся. С исчезновением с карты мира СССР в повестку дня для значительной части населения полиэтничного Казахстана остро встал вопрос самоидентификации. Что является определяющим в понятии «нация» в новой постсоветской реальности – происхождение (этническая принадлежность – казах, русский, уйгур, немец и т.д.) или гражданство?

Парадоксально, но, несмотря на многочисленные теоретические изыскания специалистов, завидное постоянство «национальной» тематики в риторике политиков, политико-правовые дефиниции нации в Конституции, других законодательных актах, неиссякаемый вал статей о нации в исследованиях и публицистике, понимание нации в академической, политической и бытовой среде, как и прежде, остается неоднозначным. Часто – взаимоисключающим.

Расхождения обусловлены не только и не столько различиями политических позиций и взглядов, но и, очевидно, в первую очередь, разными смыслами, вкладываемыми в понятия «нация», «национальность», «этнос».

Нация и Этнос. Понятие этнос (греч. *ethnos*) в значении «род», «племя», «народ» известно со времен античности. В научный оборот понятие в значении «народ» было введено в XIX веке, интерпретируясь позднее во второй половине XX века, с позиций примордиализма, инструментализма и конструктивизма.

Термин «нация» в научной литературе получает распространение после образования США (провозглашения независимости народа/нации от Британской короны), Великой французской революции XVIII века, революционных войн «эпохи» Наполеона, образования в XIX веке современных государств и наций.

Понятие «нация», «национальное государство», относится к числу таких фундаментальных понятий, как «государство», «демократия», «гражданское

общество», является важнейшим в теории международных отношений, как основной компонент, поскольку без нации нет государства, и соответственно, нет и международных отношений.

С 1930-х годов (Лига наций) и по настоящее время, в базовых международно-правовых документах и, в частности ООН, утвердилось политическое понимание понятия «нация» в значении гражданской, «государственной общности».

Известны 2 основные трактовки нации – политическая и этническая. Согласно первой трактовке нация – политическая общность на основе согражданства конкретного государства. Согласно второй – высшая форма, стадия этнической общности.

Во втором случае нация понимается как этнонация. Этнический подход к понятию «нация» известен с конца XIX века, в рамках германской традиции (в противовес английской и французской традиции). В странах же СНГ, этнический подход концептуально восходит к советской стадияльной классификации «род-племя-народность-народ-нация», с ее четко выраженной многоуровневой иерархией на сложившиеся социалистические нации (русскую, украинскую, казахскую и другие, имевшие квазигосударственность в форме союзных республик), народы (татары, башкиры, карелы, якуты и другие, имевшие квазигосударственные образования в форме автономных республик) и народности (ханты, манси, ненцы и другие, имевшие территориальные автономии в форме областей, округов, районов).

В начале 1990-х годов, в условиях стремительного краха прежней социальной структуры, «атомизации» общества, формирования новой социальной стратификации, резко возросла замещающая роль этнической идентичности у представителей всех этнических групп Казахстана. В условиях посткоммунистического идейного «вакуума», разрушения прежней системы ценностей, экономического кризиса, массовой безработицы, этническая идентификация стала для многих своего рода психологическим убежищем.

Феномен этнического возрождения, усилившаяся этническая идентификация сопровождалась кризисом гражданской идентичности у части представителей нетитульных этносов, продолжавших осознавать себя гражданами прежнего СССР, либо ассоциировавших себя с другими нациями, являвшимися титульными в пределах других государств – исторической родине.

В силу отмеченной выше утраты прежней идентичности значительной частью населения, прямой заинтересованности большей части этнических элит в монопольном доступе к властным и иным ресурсам в странах СНГ, в том числе и в Казахстане, возобладал этнический подход к определению нации.

Нации «капитанов», «серебра», «чистых» и других. В Казахстане, как и в некоторых других постсоветских странах произошло смешение лишь фонетически схожих, однокоренных, но различных по содержанию понятий «нация» и «национальность», а также «нация» и «этнос».

В современных полиэтнических государствах понятие «нация» – политическая общность, объединяющая всех граждан государства, вне зависимости от этнической принадлежности. В России нация – россияне (представители всех этносов страны), в Швейцарии – швейцарцы (этнические немцы, французы, итальянцы, ретороманцы), в Бельгии – бельгийцы (фламандцы, валлоны, этнические немцы, французы), Пакистане – пакистанцы (пенджабцы, синдхи, пуштуны, белуджи и др.), Испании – испанцы (кастильцы, каталонцы, баски, галисийцы).

Тезис абсолютного (везде и всегда) тождества нации и этноса противоречит реальности. Сторонникам этнонации следует тогда признать и мифические, никогда не существовавшие этносы «элементов таблицы Менделеева» (аргентинцы), «капитанов» (американцев, колумбийцев), «чистых» (пакистанцы), «королей» (филиппинцы) и т.д.

Наименования наций большей частью происходят от названия страны. Зачастую, никак не связаны с каким либо конкретным этносом, этнонимом, поскольку отсутствуют аналогичные нациям по названию этносы. Либо исчезли, либо попросту никогда не существовали. Например, пакистанцы («страна чистых»), испанцы (название страны происходит от финикийского «и-шпаним» – берег кроликов), афганцы (возможно, от санскр. Upa-Ghana-Stan – земля объединенных племен), австрийцы (нем. Ostarrichi, Österreich – Восточное королевство), филиппинцы (по имени испанского монарха Филиппа), американцы (по имени капитана Америго Веспуччи), колумбийцы (по имени капитана Христофора Колумба), аргентинцы (argentum – серебро, «страна серебра»), эквадорцы (исп. – экватор), австралийцы (от лат. terra australis incognita – неизвестная южная земля), исландцы (страна льда) и т.д.

Во многих полиэтнических государствах нации есть, а соответствующих одноименных этносов – нет. Предвидя возможные возражения этнонационалистов, подчеркиваем, не только в иммигрантских странах Нового света, но и в Старом свете – Пакистане, Афганистане, Швейцарии, Филиппинах и т.д., не только в федерациях, но в унитарных государствах – Испании, Индонезии, Филиппинах. Понятно, что никаких этносов «испанцы», «паки», «афганы», «швейцары», «индонезийцы», «филиппинцы» и прочих в истории – не было, и нет.

Во многих странах Европы и Азии титульных, давших названия стране, государству («титульные» – термин, заимствованный политиками и политологами из демографической статистики, исключительно инструментального характера) этносов нет. Были когда-то в истории, но впоследствии исчезли. Например, такие этносы как, египтяне, бритты, белги, существовавшие в начале н.э., давшие имя Египту, Британии, Бельгии, но впоследствии сгинувшие по выражению летописцев «аки обре».

Иногда названия этносов, стран и наций могут совпадать. Последнее имеет место, как правило, в «моноэтнических» странах, к числу которых можно условно отнести такие редкие примеры, как Германия в объединенной Европе и Армения в СНГ. Да и то, лишь до развертывания программы «гостевых

рабочих» 1960-1970-х годов в первой, и вынужденной тотальной эмиграции с развертыванием азербайджано-армянского межэтнического и межгосударственного конфликта в конце 1980-х годов всех азербайджанцев – из второй. Германия было моноэтнической до 1970-х годов. Армения стала исключительно моноэтнической «одномоментно» – после 1989 года.

В применяемой разными государствами мира политике натурализации условно выделяют два подхода – *jus solis* (принцип почвы) и *jus sanguinis* (принцип крови). Наиболее яркий пример следования в политике натурализации «принципу почвы» – Соединенные Штаты Америки. Закон о гражданских правах от 9 апреля 1866 года, который через два года был ратифицирован в качестве Четырнадцатой поправки к Конституции, закрепил это положение в следующей формулировке: «все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных Штатов».

Каждый родившийся на территории США, независимо от этнической принадлежности, гражданства родителей автоматически получает (имеет право на) американское гражданство. И даже более, до последовавшей уже позднее в XX веке, в основном после I мировой войны кодификации, доминировали общие представления, согласно которым каждый иммигрант, ступивший на землю США, имеет право на американское гражданство².

До недавнего времени, действовавший в Германии Закон о Гражданстве является одним из самых жестких по сравнению с аналогичными законами других европейских государств. Принятие гражданства Германии и поныне регулируется имперским Законом о подданстве и гражданстве (*Reichs – und Staatsangehörigkeitgesetz*) от 22 июля 1913 г. Согласно «принципу крови» (*jus sanguinis*) миллионы иммигрантов в лице турецких гастарбайтеров 1960-1990-х годов, не только в первом, но и во втором, третьем поколении, пребывали в Германии в статусе иностранцев, не имели право на немецкое гражданство. Лишь с 1 января 2000 года в Закон о Гражданстве было дополнительно введено право на приобретение гражданства по рождению в стране.

В мире известны порядка 192 наций и государств, входящих в Организацию Объединенных Наций, за исключением ряда «управляемых территорий» и самопровозглашенных республик. В то же время, численность этносов, по разным подсчетам, составляет от 3 – до 4 тысяч этносов. Иными словами, нации включают в себя множество этносов. Тождественность нации и этноса в одном государстве – единичные исключения из правил, наблюдаемые лишь в моноэтнических странах. Да и «моноэтничность» этих исключений условна, поскольку абсолютно моноэтнических стран в мире практически нет.

Нации, не имеют отношения к этносам. Это разнородные по своей сути общности. Есть другие социальные общности – женщины, молодежь, этносы, аграрии, различные социально-профессиональные группы, мафия, в конце

² Подробнее: Мустафаев Н. «Двуликий Янус» иммиграционной политики // Интернет-газета «Zonakz.net». – 2005 – 7 декабря // <http://www.zonakz.net/articles/?artid=10356>

концов. Но по своей природе они не равнозначны нации. Лишь изолированные этносы в пределах какого-либо одного государства могут физически совпадать по составу нации. Но известные в прошлом этносы не являлись нациями, а были объединениями подданных (не граждан).

Совпадающие формально этносы и нации в изолированных пространствах (редкие ныне примеры – в моноэтнических государствах) – это своего рода некий аналог племени, государства амазонок из легенд античной литературы.

Этносы – общности на основе общего реального (и воображаемого) происхождения, этнического самосознания (человек сам позиционирует себя как представитель этноса) и этнической культуры. Общность происхождения, самосознание и культура и есть неотъемлемые критерии этноса. Даже язык не является неотъемлемым критерием этноса, и тем более нации. Сербь и хорваты два этноса и две нации. Хотя нет никаких отдельных (различных) сербского и хорватского языков: есть единый сербо-хорватский язык. Точно так же есть ирландский этнос, этнические ирландцы и ирландская нация с отдельным государством Ирландией. При этом, все они говорят на английском языке. Даже в самой Ирландии, лишь в последние годы появилась группа, изучающих ирландский язык. Несмотря на то, что практически 100 процентов ирландцев в Ирландии и в других странах мира утратили ирландский язык и говорят по-английски, никто не может сказать, что нет ирландского этноса (этнических ирландцев в Ирландии и др. странах) и ирландской нации (в государстве Ирландия). Своеобразие ирландцев, притягательность ирландской культуры признаны во всем мире. Аналогично и шотландцы. Именно культура является ядром, неотъемлемым критерием этноса.

Сколько в Казахстане наций? Вопрос не праздный. Большинство представителей крупных численно этносов, по крайней мере, в отношении собственной этнической группы, вероятнее всего признает, что минимум одна нация в Казахстане есть, а именно, представителем этноса которой он и является. Возможны вариации – казахская и собственная; казахская, русская, украинская ... и собственная; казахстанская и собственная и т.д. Такая сумма единиц и дает неизбежный итог от десятка, до свыше ста наций в одном государстве. Чего не было, и нет, ни в одном государстве.

Вопрос о содержательной стороне нации все годы независимости властями, как правило, не акцентировался. Тем не менее, достаточно активно обсуждался в прессе и обществе. Все же на политико-правовом уровне вопрос, конечно, не мог быть полностью обойден. Так в Конституции 1993 года во вводной части давалось определение Республики Казахстан, как формы «государственности самоопределившейся казахской нации».

Таким образом, Конституция 1993 года фиксировала наличие нации, включающей в себя представителей исключительно одного этноса. Уже тогда возник вопрос: кем же тогда являются все остальные граждане Казахстана – представители свыше 100 этнических групп? Именно тогда четко обозначилась «неадекватность» (несостоятельность) этнического подхода к вопросу о нации.

Учитывая ярко выраженный полиэтнический состав населения страны, возникло противоречие. Русские, узбеки и другие этнические группы Казахстана – тоже нации (русская, узбекская и т.д.)? Если да, то логически неизбежно: 643 кумыка, 375 чуванцев или 212 шорцев Казахстана, учтенных в числе 120 этносов в переписи 1999 года – тоже нации?

Конституция Республики Казахстан 1995 года уже не содержит прежнюю формулу о нации, тождественной только одному этносу. Вместо прежнего моноэтнического определения нации зафиксирована консолидирующая формулировка «Мы народ Казахстана», объединяющая всех граждан, представляющих многочисленные этнические группы страны.

Казалось бы, Конституция достаточно четко закрепляет: в стране одна нация – «Мы, народ Казахстана». Нация именуется как «народ», как дань традиции, восходящей к первым конституциям демократий Запада конца XVIII – первой половины XIX веков, когда понятие «нация» еще только начинало замещать формулу «народ».

Заявление президента Н. Назарбаева 31 августа 2004 года на встрече с представителями национально-культурных центров республики о том, что в Казахстане сформировалась казахстанская нация, как и ожидалось, имело широкий резонанс в стране, вызвав своего рода «Большой переполох» в «маленьком стане этнических движений и объединений».

Фактически, с программного заявления президента Н. Назарбаева августа 2004 года, большая часть заявлений, программ казахских, русских и иных этнических движений в Казахстане, это политическая полемика по одному, по сути, ключевому вопросу – казахстанской нации.

Поскольку как в 2004 году, так и поныне в казахстанском обществе, в повседневной жизни преобладал и продолжает преобладать этнический подход понимания нации, тезис о казахстанской нации был воспринят как шаг к утрате в перспективе своей этнической культуры и этнической идентичности не только частью представителей казахской, но и частью представителей других этнических групп. Свою роковую роль в этом, вероятно, сыграло внешнее сходство терминов «национальность» и «нация».

Необходимо оговорить, что этноориентированный подход в вопросе о нации, её содержательной стороне, распространен отнюдь не только в казахской среде, но и в среде других этнических групп. Однако, в отличие от критики казахстанской нации со стороны отдельных казахских публицистов, эти представления, в силу известной отстраненности представителей других этнических групп от открытых дискуссий по этнополитическим вопросам, слабо отражены в прессе.

Эти бытующие в среде других, помимо казахской этнических групп трактовки нации, наиболее четко представлены в статье Мира Айманова:

«Подводя итог по теме: нации, как высший уровень этнической общности существуют. Представители казахской, русской, немецкой, узбекской, корейской и других наций проживают в Казахстане»³.

Таким образом, согласно М. Айманову и всем другим сторонникам этнического подхода, нация – высшая стадия этноса, в государстве Казахстан много наций! Что в корне противоречит общепринятому в современных государствах политическому подходу.

В Казахстане, как и в любом другом полиэтническом государстве, вопрос о нации – отнюдь не отвлеченный культурно-философский вопрос. И даже, не символично-политический вопрос. Это базовое условие, определяющее, повседневную жизнь каждого человека. Другими словами – вопрос прав человека.

Заявляемые цели политико-правового, юридического закрепления за всеми неказахами, представителями неказахских этнических групп Казахстана статуса «иностранцев», «общины иностранцев», вызывают сопротивление со стороны представителей неказахских этнических групп страны и являются ключевым источником этнополитического конфликтного потенциала.

В феврале 2006 года, однозначно в поддержку политической, а не этнической нации в Казахстане, заявили представители двух русских общественных объединений в Казахстане – общества «Светоч» (Алексей Лобанов), Казахстанского русского культурного центра (Всеволод Лукашев). Что нашло отражение в «Политической платформе русской диаспоры», содержащей ясную позицию по вопросу о нации: «Кроме того, русская диаспора должна бороться за гражданское общество в том плане, чтобы де-факто звание «Гражданин Казахстана» стало выше этнической принадлежности, чтобы де-факто права и свободы граждан не зависели от национальной принадлежности»⁴.

Протест, неприятие и, соответственно рост конфликтного потенциала со стороны русских, узбеков, уйгуров, чеченцев, курдов и представителей других этнических групп страны, вызывает сформулированная историком А. Гали идея о создании путем культурной ассимиляции «Большой казахской нации»⁵.

Хотя автор ведет речь преимущественно о культурной ассимиляции, большинство комментаторов, интерпретаторов (как сторонников из числа казахских этнонационалистов, так и противников – политически активных русских и представителей других неказахских этнических групп), трактуют концепцию в рамках физической ассимиляции. При этом, сторонниками идеи физической ассимиляции наивно игнорируется статистика сокращения

³ Айманов М. Гимн нациям Казахстана // Правила игры. – 2006. – №11-12. – С.65.

⁴ Лобанов А., Лукашев В. Что делать?! Проект программы русской диаспоры на ближнесрочный период. Часть 7 // Интернет-газета "ZONAKZ". Казахстан; <http://www.zonakz.net>.

⁵ Гали А. Сказание Азимбая I. О казахах и казахизации как этносоциальной мобилизации для создания постэтнического Казахстана // Интернет-газета "ZONA^{KZ}". Казахстан. 26.11.2003. <http://www.zonakz.net/articles/4966>.

межэтнических браков в постсоветский период, безусловный приоритет, основной и единственный императив личного выбора при вступлении в брак, не зависящий от каких-либо политических концепций.

Концепция А. Гали лишь внешне выглядит более цивилизовано, чем построения апологетов физической ассимиляции. У большинства не специалистов нет четкого понимания этноса и этничности. Анализ предлагаемых разными авторами неотъемлемых критериев (признаков) этноса показывает, что любой из набора критериев (территория, язык, общность происхождения и др.) может отсутствовать. Лишь два критерия этноса (принадлежности к этносу) неотъемлемы: 1) этническая самоидентификация на основе реальной или воображаемой общности происхождения (человек сам себя ощущает и определяет представителем конкретной этнической группы) и 2) общая для группы культура.

Утрата на макрогрупповом уровне специфической культуры означает и утрату (исчезновение) этноса. Культурная ассимиляция всех этносов страны в составе «большой казахской нации» будет означать исчезновение этих этносов в РК. Что и вызывает протест представителей нетитульных этнических групп.

21 апреля 2007 года в Астане на II Республиканской Конференции русских объединений Казахстана было заявлено:

«Идёт активная пропаганда так называемой «большой казахской нации», предполагающая ассимиляцию всех других народов, проживающих в Казахстане. И голая суть этого «проекта» сводится к следующему: мы тут строим для себя дом, если хотите, арендуйте часть, но заплатите за это тем, что всякое обращение начинайте со слов «хозяин», – заявил в своём докладе председатель «Республиканского славянского движения «ЛАД»⁶.

Консолидации представителей всех этносов, межэтнической интеграции, сохранению самого государства Казахстана, объективно отвечает формула «в Казахстане одна нация – казахстанцы». При этом, консолидируемая политическая нация не отрицает этническое многообразие, развитие этносов и их культур. Наоборот, свободное развитие этносов, их культур, являются базовым условием консолидации политической нации. Вопреки опасениям национал-патриотов, поступательное развитие казахского этноса, казахского языка как государственного, в условиях консолидации казахстанской политической нации будут сохраняться.

Казахстанская модель этнополитики базируется на пяти принципах, направленных на обеспечение реального равноправия этнических групп страны во всех сферах жизнедеятельности – экономической, социальной, политической, культурной, бытовой, консолидацию народа Казахстана как гражданской нации⁷.

⁶ Крамаренко М. Русские организации в Казахстане бьют тревогу и апеллируют к международной общественности. 23.04.2007 // <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=10744>.

⁷ Пять принципов казахстанской этнополитики – ценность этнокультурного многообразия, обеспечение условий развития для развития культур и языков этносов

Формула казахстанской нации изложена президентом Казахстана Н.Назарбаевым 20 августа 2007 года: «За эти 16 лет мы реализовали собственную модель сохранения и укрепления межнационального согласия и формирования казахстанской идентичности ... С самых первых дней независимости в основу казахстанской идентичности был заложен принцип не этничности, а гражданственности ... Наша стратегическая задача – дальнейшая консолидация общества и формирование единой казахстанской, конкурентоспособной нации»⁸.

Концепция культурной ассимиляции отрицает формулу «единство в многообразии». Совершенно безосновательны изредка встречающиеся даже среди специалистов рассуждения об ассимиляции, как пути формирования казахстанской нации. Это пройденный, не выдержавший испытания жизнью проект, декларирующий и потерпевший фиаско в первой половине XX века в США. Как в США, так и в странах Старого света приоритетом являются политическая нация на базе гражданства, межэтническая интеграция, не исключая, а наоборот поощряющая этническое многообразие.

В качестве одного занимательного штриха, отражающего как в капле воды преимущества этнического многообразия, при наличии одновременно сильной надэтнической политической идентичности, можно привести пример из времен Второй мировой войны, когда мощной германской разведке до конца войны, так и не удалось расшифровать активную радиосвязь между американскими подлодками в мировом океане, которая велась радистами индейцами навахо.

Если же серьезно, то есть много и иных примеров эффективности взаимодействия наших этнических культур в рамках надэтнической политической общности. Столь же ярких, экзотичных для иностранцев из дальнего зарубежья, но из прошлого постсоветских стран, включая тот же период Второй мировой войны.

1.2. Другие этнополитические мифы

Миф о «дуальном этническом составе» населения Казахстана имеет непосредственное отношение к превентивной этнополитике, предотвращению этноконфликтов, поскольку в корне искажает этнополитическую ситуацию, возможность не только анализа, но и просто элементарного понимания потенциальных угроз, определения сторон потенциальных этноконфликтов. Подобный упрощенный подход о только двух этносах Казахстана (казахи и русские) характерен для западных исследователей, крайне слабо, поверхностно информированных об этнополитических реалиях Казахстана. Данный миф

Казахстана, толерантность и ответственность, консолидирующая роль казахского этноса, единство казахстанского народа // Выступление Президента РК Н.А.Назарбаева на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана Астана, 23 октября 2008 г. // www.akorda.kz.

⁸ Выступление Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева на XIII сессии Ассамблеи народа Казахстана 20 августа 2007 г. // www.akorda.kz.

транслируется также не только российскими, но и казахстанскими исследователями и публицистами.

Большинство современных государств мира определяют как полиэтничные. Их численность варьируется в зависимости от применяемых международными организациями, исследователями критериев.

К полиэтничным странам относят государства, где вторая по численности этническая группа либо совокупно несколько этнических групп, представляющих так называемые «этнические меньшинства», составляют не менее 5% постоянного населения государства⁹. С этой точки зрения, Республика Казахстан – типичное полиэтничное государство. Из стран СНГ к числу моноэтнических можно отнести лишь Армению.

Подчеркивая на фоне других стран СНГ, как достижение отсутствие масштабных этноконфликтов в Казахстане в постсоветский период, официальная пресса определяет высокий уровень полиэтничности формулой «120 этносов», «Сто народов Казахстана».

Формула полиэтничности «120 этносов Казахстана», «Сто народов Казахстана» контрастно подчеркивает межэтническое согласие на фоне этнического многообразия. Фиксируемые статистикой 120 этнических групп в составе постоянного населения РК, включают множество малочисленных, в несколько сот человек, этнических групп даргинцев, талышей, лакцев и т. др.

Если обратиться к реальным цифрам, статистике, то становится очевидно, что степень реального этнического многообразия преувеличена. Значимые по численности – 16 этнических групп Казахстана, фиксируемые в среднего уровня детализации сводных таблицах Агентства РК по статистике. Представители основных 16 этнических групп составляют 98,63%, остальных 104 этнических групп в совокупности 1,37% населения Казахстана (Приложение 1. табл. 2).

Реестр основных этнических групп Казахстана включает 16 наиболее многочисленных этнических общностей. Удельный вес 7 этнических групп каждой в отдельности составляет не менее 1% всего населения страны: казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары, немцы. Еще 8 этнических групп, – корейцы, азербайджанцы, турки, дунгане, поляки, курды, чеченцы, таджики, – имеют в большей или меньшей степени выраженные ареалы компактного проживания.

К значимым, характеризующим уровень полиэтничности Казахстана, можно отнести 16 наиболее многочисленных этносов, учитываемых в среднеуровневых классификациях Агентства РК по статистике. На начало января 2008 года население РК составляло 15 571 506 человек. В том числе: казахи – 9 315 658 (59,83%), русские – 3 905 607 (25,08%), узбеки – 450 855 (2,90%), украинцы – 431 157 (2,77%), уйгуры – 237 288 (1,52%), татары – 227 472 (1,46%), немцы – 221 412 (1,42%), корейцы – 103 159 (0,66%),

⁹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2005. – С.26.

азербайджанцы – 91 739 (0,59%), белорусы – 88 801 (0,57%), турки – 87 713 (0,56%), дунгане – 47 617 (0,31%), поляки – 40 422 (0,26%), курды – 38 849 (0,25%), чеченцы – 36 412 (0,23%), таджики – 33 404 (0,21%), другие национальности – 213 941 человек (1,37% от всего населения).

Одна из главных особенностей этнического состава населения Казахстана – практически все (15 из 16), за исключением белорусов, значимые по численности этнические группы Казахстана имеют четко выраженные ареалы компактного проживания.

В Старом свете по уровню полиэтничности Казахстан сопоставим лишь с такими «гигантами», как Российская Федерация и Республика Индия. Причём и по сравнению с ними, по реальным, а не формальным признакам, Казахстан выигрывает.

В России подавляющее большинство населения русские – 80%, и лишь менее 20% – представители других этносов; в Казахстане казахи – 59,8% населения, другие этносы – 40,2%. При этом, Россия – федерация, Казахстан – унитарное государство.

Для Казахстана в целом, и для большинства его регионов в частности, характерен высокий уровень полиэтничности. В том числе, и по международным стандартам: в общих справочных изданиях «Страны мира» и др. население представлено основными этническими группами, составляющими не менее 1% жителей страны. В РК значительна относительная численность (удельный вес) 7 этнических групп; ещё 8 этнических групп имеют территории компактного проживания.

Для примера. Бельгия: фламандцы – 55%, валлонцы – 33%, немцы и французы – около 10%. Швейцария: немцы – 65%, французы – 18%, итальянцы – 10%, ретороманцы – 1%¹⁰.

Таким образом, даже в таких наиболее полиэтничных государствах Европы как Бельгия и Швейцария, основные этносы представлены лишь 4-мя основными (не менее 1% населения) этническими группами в каждой. В Казахстане таких основных этносов 7 – казахи, русские, украинцы, узбеки, уйгуры, татары, немцы. Еще 8 следующих по численности крупных этносов, – корейцы, азербайджанцы, турки, поляки, дунгане, курды, чеченцы и таджики, – будучи представлены в разных регионах, в то же время имеют ареалы компактного проживания.

Можно констатировать, что Казахстан, учитывая унитарный тип государственного устройства, соответственно относительную равномерность расселения большинства этнических групп, в отличие от России, Швейцарии и т.д. (федерация, конфедерация), этническое, этнокультурное многообразие, в отличие от Индии (отсутствие европейских этносов), является страной с наиболее высокой степенью полиэтничности в Старом Свете.

Анализ этноконфликтов постсоветского периода в Казахстане показывает, что сторонами конфликтов выступали наряду с казахами не вторая

¹⁰ Страны мира: Энцикл. справочник. – Смоленск, 2002. – С.59, 571.

по численности этническая группа в лице русских, а представители других этнических групп (см. Раздел 3).

Из числа других этнополитических мифов распространен также миф «не межэтнический конфликт», который сводится к интерпретации межэтнических конфликтов, как исключительно политических, трудовых, бытовых либо межличностных конфликтов.

Данный миф транслируется официальными структурами, как часть PR-технологий с целью нейтрализовать риски трансформации локального конфликта в масштабный. Социальный конфликт – следствие противоречий, перерастания их в прямое столкновение в борьбе за властные и иные ресурсы. Межэтнические конфликты по своей природе всегда обусловлены экономическими, политическими, социальными причинами (социальным неравенством этнических групп). Соответственно все они начинаются как одна из разновидностей политического, трудового либо межличностного конфликта (криминального инцидента, как разновидности межличностного).

В случае, если политически, трудовой, межличностный конфликт на последующей стадии перерастает в масштабное столкновение двух либо нескольких сторон в лице противостоящих представителей этнических групп, происходит трансформация конфликта в межэтнический. То есть политических, социальный, трудовой и иные виды конфликтов приобретают форму межэтнических.

Другим распространенным мифом является миф о «жузовом трайбализме», согласно которому суть трайбализма в Казахстане составляет борьба представителей Старшего, Среднего и Младшего жузов за властные (политические), экономические и иные ресурсы в общегосударственном, региональном, местном масштабе, измерении. Данные представления широко транслируются российскими и западными политологами, но и не имеют ничего общего с казахстанскими реалиями.

Жузы в современном Казахстане сохраняются лишь как реликтовые этно-исторические, отчасти, этно-культурные общности. Как этно-политические, этно-экономические общности локализованные в определенных географических пространствах, жузы теряли политическое значение начиная с 20-х годов XIX века, принятием «Устава о сибирских киргизах» 1822 года, «Устава об Оренбургских киргизах» 1824 года. С 20-х годов XX века жузы окончательно утрачивают политическое значение.

В современном Казахстане нет реальных групп влияния на жузовой основе. В то же время, наблюдается рост трайбализма на родовой основе. Значение родовой принадлежности возрастает, принимая форму родовой солидарности населения на местах, родовых трайбалистских сетей (поддержки, предпочтения и исключения) при взаимодействии представителей власти, бизнеса, групп влияния, населения на местах, борьбы трайбалистских родовых групп внутри т.н. «жузов», регионов, областей.

РАЗДЕЛ 2. ОБЗОР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В КАЗАХСТАНЕ

2.1. Межэтнические конфликты: критерии

Межэтнические конфликты последних двух десятилетий в Казахстане по основным параметрам – причинам, масштабам, характеру – в отличие от редких межэтнических столкновений советского периода, – конфликты иной, чем прежде политической, экономической, социальной реальности¹¹.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, в условиях стремительного краха прежней социальной структуры, «атомизации» общества, формирования новой социальной стратификации, резко возросла «замещающая» роль этнической идентичности у представителей всех этнических групп Казахстана. В условиях «посткоммунистического» идейного «вакуума», разрушения прежней системы ценностей, экономического кризиса, массовой безработицы, этническая идентификация стала для многих своего рода психологическим убежищем.

Социальный конфликт – следствие противоречий, перерастания их в прямое столкновение в борьбе за властные, экономические и иные ресурсы. Межэтнические конфликты по своей природе обусловлены экономическими, политическими, социальными причинами. Соответственно они начинают разворачиваться как одна из разновидностей политического, трудового либо даже межличностного конфликта (криминального инцидента, как формы межличностного конфликта).

Межэтнические противоречия – частная форма социальных противоречий, обусловленных неравенством, реальными различиями в распределении богатства, престижа и власти между этническими группами¹².

В массовом сознании, СМИ распространены представления о межэтнических конфликтах, как однопорядковых другим известным типам конфликтов – трудовым, политическим, социальным. При этом, в качестве этнических конфликтов трактуются иррациональные, эмоциональные конфликты, обусловленные не конкретными интересами, целями, а этничностью самой по себе.

В тех случаях, когда политические, трудовые, межличностные конфликты в ходе их разворачивания перерастают в масштабное столкновение двух либо нескольких сторон в лице противостоящих представителей этнических групп, происходит трансформация конфликтов в межэтнические. Тогда политический, социальный, трудовой и иные виды конфликтов приобретают форму межэтнического конфликта.

¹¹ Использованы разработки автора в рамках исследовательского проекта «Этнополитические процессы в Республике Казахстан: состояние, динамика развития и перспективы интеграции» (ЦАИ «Альтернатива»).

¹² См.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред Л.М.Дробизевой. – М.: Academia, 2002. – 480 с; Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Academia, 2002. – 376 с.

Этнополитолог А.Р.Аклаев отмечает: «этнический конфликт охватывает широкий круг ситуаций и можно даже утверждать, что этнического конфликта не существует, так как есть социальный, политический, экономический конфликты между группами людей, которые идентифицируются в этнических категориях»¹³.

В ретроспективе, та или иная степень актуализации межэтнических противоречий характерна для полиэтнических стран. В постсоветский период, в условиях становления новой государственности, приватизации, смены общественных отношений, политической системы, межэтнические противоречия обусловлены новыми статусными позициями, ролями этнических групп, трансформацией системы этнической стратификации.

Следствие роста межэтнических противоречий – рост конфликтного потенциала, межэтнические конфликты. Известные этноконфликты в Казахстане кануна распада СССР и постсоветского периода отражали актуальность статусных противоречий между казахами и русскими в 1986-1995 годы, обострение противоречий в форме этно-экономической конкуренции между казахами и чеченцами (ингушами, лезгинами) в 1989-1992 годы. Этноконфликты 2000-2007 годов – следствие роста противоречий между казахами, представителями других этнических групп Казахстана и турецкими трудовыми иммигрантами, обусловленные экономическим неравенством – разницей в оплате и условиях труда между казахскими (казахстанскими) работниками и гастарбайтерами.

В межэтнических конфликтах сторонами выступают представители специфических социальных общностей – этнических групп.

Анализ масштабных и локальных этноконфликтов 1986-2007 годов в Казахстане показывает, что межэтнические противоречия оказались проявлены у представителей нескольких этнических групп страны – казахов, русских, чеченцев, ингушей, лезгин, уйгуров, курдов.

2.2. Обзор межэтнических конфликтов

Новоузенский межэтнический конфликт (16 июня-24 июля 1989 года).

Тип конфликта – этносоциальный, «антииммигрантский». Классификация типа «антииммигрантский» условна и отражает в данном и ряде других конфликтов лишь восприятие одной из сторон конфликта другой в качестве мигрантов, что подтверждают антииммигрантские лозунги – требования выселения из региона или страны представителей тех или иных этнических групп, при том, что отнесение к иммигрантам каких-либо групп граждан государства не отвечает правовым критериям категории иммигрант. В конфликте участвовали 2 стороны: 1) местное казахское население; 2) представители кавказских этнических групп (лезгины, чеченцы, ингуши), как

¹³ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2005. – С.24.

постоянно проживающие в Прикаспии, так и рабочие-вахтовики. Межэтнический конфликт охватил обширный Прикаспийский регион – Гурьевскую (ныне Атыраускую и Мангистаускую) область, в том числе города Новый Узень, г. Шевченко (Актау), станцию Мангышлак, поселки Узень, Кульсары, Жетыбай, Мунайши, Шетпе, Акшукур, Ералиев, Кызылтубе.

Причины этноконфликта кроются в комплексе экономических, социальных, демографических проблем, складывавшихся в Прикаспии в предшествующие несколько десятилетий.

Большинство казахстанских чеченцев, ингушей были депортированы в Казахстан в 1944 году, являются потомками депортированных. Еще с 1950-х годов представители кавказских этнических групп в сфере экономики региона, системе разделения труда, прочно заняли определенные этно-экономические ниши, в том числе, доминирующие позиции в сфере торговли, услуг, что обеспечивало им относительно более высокий по сравнению с местным, в основном казахским населением, уровень жизни. С началом развития кооперативов (1987-1988 годы), социальное, имущественное расслоение по этническому признаку резко возросло.

Росту социальной напряженности в регионе также способствовали: усилившийся в тот период дефицит всех видов товаров, в том числе товаров первой необходимости, высокий уровень безработицы среди казахской молодежи, обусловленный внедрением Миннефтегазпромом СССР вахтового метода освоения природных ресурсов Западного Казахстана, крайне слабая социальная инфраструктура (нехватка жилья, детсадов, школ, магазинов, столовых, больниц, поликлиник), нарушения в рамках распределительной советской системы принципов социальной справедливости (предоставление приезжим, квартир вне очереди), экологический кризис (Аральская катастрофа, недостаток, загрязненность питьевой воды).

Город Новый Узень возник в 1964 году в связи с освоением нефтяных месторождений. Численность населения города в 1989 году составляла 56 000 человек, в том числе: казахи – свыше 50%, русские – 18%, лезгины – 11%. Миннефтегазпром СССР уделял внимание только добывающей отрасли, социальная инфраструктура финансировалась по остаточному принципу. Каждый второй ребенок в городе не имел возможность ходить в детсад, школы работали с двойной нагрузкой. Союзные ведомства избрали и наладили практику десанта высокооплачиваемых вахтовиков в район Нового Узеня из Баку, Грозного, Махачкалы, других российских регионов. В то же время несколько тысяч горожан были вынужденными безработными.

Этносоциальная напряженность в Новом Узене и, в целом в казахстанском Прикаспии, стала явственно нарастать с 1987 года. Еще до инцидента 16 июня 1989 года, послужившего поводом к масштабному межэтническому конфликту, проявились симптомы нарастания межэтнической напряженности. 28 марта 1989 года в вахтовом поселке Тенгиз произошла массовая драка местных жителей с вахтовыми рабочими. Резкий этносоциальный «взрыв» 16 июня в Новом Узене не явился неожиданностью

для городских властей. За несколько недель до развертывания этноконфликта многие горожане предупреждали власти о конфликтных настроениях в молодежной среде, взрывоопасности ситуации. Значительный рост социальной напряженности был связан с очередным резким повышением цен на продукцию кооперативов, владельцами которых являлись, в основном, выходцы из кавказского региона.

Поводом к началу конфликта послужила драка вечером 16 июня 1989 года, на танцплощадке в городе Новый Узень, между молодыми казахами и лезгинами. Милиция приняла меры для прекращения драки, и инцидент, казалось, был исчерпан. Тем не менее, межэтнический конфликт на бытовой почве, стал стремительно разворачиваться. Той же ночью в городе начали формироваться на этнической основе группы жителей, между которыми вспыхнули столкновения, повлекшие 3 человеческие жертвы и десятки раненых.

Пик эскалации и развития Новоузенского межэтнического конфликта падает на период с 17 по 28 июня 1989 года. 17-19 июня группы молодежи, вооруженные палками, железными прутьями, камнями, учинили погромы в домах граждан, магазинах, административных зданиях, на улицах города. Были предприняты попытки захвата городского отдела милиции, системы водоснабжения, других жизненно важных объектов города Новый Узень. Парализована работа пассажирского транспорта, прекращена деятельность некоторых промышленных предприятий. В ходе беспорядков, конфликтующими применялись огнестрельное оружие, зажигательные смеси.

19 июня в Новом Узене, на площади перед горисполкомом, собралась толпа в несколько тысяч человек. Митингующие требовали решить проблему занятости, другие острые социальные проблемы, наладить продовольственное снабжение, выселить представителей кавказских этнических групп, закрыть кооперативы. Выступившие перед митингующими председатель Президиума Верховного Совета КазССР М.Р. Сагдиев, другие представители власти республиканского и регионального уровня, заявили, что предпринимаются меры по стабилизации обстановки, решению ряда социальных проблем. Однако, попытки властей установить диалог, достичь консенсуса и предотвратить эскалацию конфликта не имели успеха. Толпа митингующих, разделившись на группы по 150-200 человек, покинула площадь и двинулась по улицам города, учиняя погромы, поджоги, вступая в столкновения с лезгинами, представителями других кавказских этнических групп, милицией и войсками МВД. В ходе беспорядков 5 человек получили огнестрельные ранения.

Очевидно, что в этот момент, данный межэтнический конфликт, как и многие другие этноконфликты на определенном этапе, начал приобретать иррациональный характер. Наступил этап, когда «пропадают правые и виноватые, остаются лишь бедствующие, колеблющиеся, сомневающиеся, не совсем озлобленные (а их большинство на обеих сторонах) – по объективным и

субъективным причинам – делегируют защиту своего национального достоинства людям, занимающим крайние позиции»¹⁴.

Вечером 19 июня в городе был введен комендантский час, создан оперативный штаб по локализации и разрешению конфликта, образована специальная правительственная комиссия.

Несанкционированные митинги (в том числе и мирного характера), в которых принимали участие в разных случаях от 100 до 1 000 человек, погромы, поджоги продолжались 19-22 июня в городе Новый Узень, 21, 23 июня в пос. Жетыбай, 21 июня в пос. Муныйши, 23 июня на станции Мангышлак, пос. Кзылтубе, пос. Шетпе, 24-25 июня в городе Шевченко, 24 июня в пос. Акшукур, пос. Кульсары. Столкновения имели место также в пос. Ералиево, ряде других населенных пунктов региона. В ночь на 22 июня группой вооруженных людей из 6 человек, была предпринята попытка захвата газокompрессорной станции газопровода Средняя Азия – Центр.

В условиях эскалации конфликта (17-28 июня) власти вывезли значительную часть представителей кавказских этнических групп за город и обеспечили их охрану. Было принято решение закрыть часть кооперативов в сфере торговли и общественного питания. В период эскалации конфликта погибли 5 человек – 3 казах и 2 лезгин. С 17 по 26 июня из Нового Узеня в Дагестан и Чечено-Ингушетию выехало 3 516 человек. Позже, когда конфликт начал угасать, часть беженцев возвратилась.

Относительное спокойствие в городах и поселках Прикаспия установилось 29 июня. 24 июля 1989 года Указом Президиума Верховного Совета КазССР в Новом Узене был отменен комендантский час. Являясь условным «антииммигрантским», данный этноконфликт не приобрел затяжной характер, характерный для сепаратистских, ирредентистских, автономистских этноконфликтов. Свертывание этноконфликта было обусловлено, отмечаемыми этноконфликтологами закономерностями стадийного развития («жизни») антииммигрантского конфликта. Наряду с особенностями саморазвития этноконфликта, свертыванию Новоузенского этноконфликта способствовал ряд субъективных факторов:

- введение 19 июня комендантского часа, действовавшего 36 дней;
- разъединение конфликтующих сторон силами милиции, внутренних войск МВД;
- временный вывоз за город и охрана большинства горожан кавказских этнических групп;
- нейтральная политика, равные санкции властей в отношении конфликтующих сторон;
- попытки властей вести диалог с демонстрантами, населением на митингах (в том числе несанкционированных), собраниях по месту работы;

¹⁴ Михайлов В.А. Принцип «воронки», или механизм развертывания межэтнического конфликта // Социс. – 1993. – № 5. – С. 58, 59.

- временное закрытие части кооперативов в ответ на одно из основных требований демонстрантов;

- оперативная информационная деятельность властей, направленная на опровержение, нейтрализацию слухов;

- оперативное решение отдельных экономических и социальных проблем (решение проблемы дефицита продовольственных товаров, начатая властями работа по решению проблемы занятости местного населения, принятие решения о расширении жилищного строительства, развитии материальной базы социальной сферы);

- деятельность специально образованной правительственной комиссии по разрешению конфликта.

25 августа 1989 года было принято совместное постановление Совета Министров КазССР, коллегии Министерства нефтяной и газовой промышленности и Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР «О неотложных мерах по социально-экономическому развитию г. Новый Узень Гурьевской области». В 1989-1991 годах ряд пунктов этого постановления, предусматривавших решение комплекса экономических и социальных проблем региона, был частично реализован. Последующая реализация комплекса мер была свернута со сменой экономических, политических, социальных условий начала, первой половины 1990-х годов.

Межэтнический конфликт в селе Казансу (август 1989 года). Тип конфликта этносоциальный, «антииммигрантский». В отличие от декабрьского и новоузенского, данный межэтнический конфликт носил узколокальный характер и продолжался всего несколько дней. Ареал этноконфликта – села Казансу и Караагаш Гвардейского района Талдыкорганской области. В средствах массовой информации данный этноконфликт почти не освещался.

Конфликтующие стороны: 1) часть местного казахского населения, 2) представители местного чеченского населения. Поводом к этноконфликту послужила драка между водителями – казахом и чеченцем. В конфликте участвовали несколько сот человек. Основные декларируемые цели были выражены одной из сторон конфликта, – монополизация торговли по этническому признаку в селе, районе, выселение чеченцев «создающих в селах криминальную обстановку». Причинами конфликта стали нарастающее экономическое, социальное неравенство этнических групп, недовольство местного казахского населения своим экономическим положением в условиях начавшихся рыночных реформ, слабая адаптированность его к развивающимся новым экономическим отношениям (кооперативы и т.д.) и, соответственно, психологический дискомфорт.

В селе Казансу проживало 18 чеченских семей, материальное благосостояние которых было значительно выше, чем у остального местного населения. Каждая из чеченских семей, будучи занята преимущественно в сфере торговли и услуг, содержала более 70 овец, среди казахов такое количество овец имелось только у чабана села Казансу. Чеченец О. Джанхотов,

вместе с 6 сыновьями владел отарой в 1 246 овец. Протест у местного населения, воспринявшего за 70 лет советской власти коллективистские идеи, «социалистические нормы» социальной справедливости, вызывала и практика найма чеченцами «бичей».

Четкое выделение стадий зарождения, эскалации и свертывания данного узколокального этносоциального конфликта затруднено, в виду его скоротечности и ограниченности информации. В период эскалации конфликта несколько человек получили ранения, сожжен дом одной чеченской семьи. Местные власти пытались оперативно отреагировать на данный конфликт. Был установлен диалог с конфликтующими сторонами, образован уполномоченный решить конфликтную ситуацию совет старейшин, созван сход местных жителей, на котором были заслушаны все точки зрения, намечены пути к достижению компромисса. Конфликт был локализован и затем разрешен в течение нескольких дней. Бригадой строителей из казахов и чеченцев на месте сгоревшего дома был выстроен новый.

Узунагачский межэтнический конфликт (27 июля – конец августа 1990 года). Тип конфликта – этносоциальный, «антииммигрантский». Конфликт носил локальный характер, захватив села Интумак и Узунагач. В нем принимали участие молодежь Джамбулского района Алма-Атинской области. Конфликтующие стороны: 1) местная казахская района, 2) местная чеченская и ингушская молодежь.

Поводом к этноконфликту послужила драка 27 июля 1990 года в селе Интумак между молодыми казахами и чеченцами. Основные причины этноконфликта – обострение социальных и экономических проблем на селе, межэтнических противоречий, межэтнической конкуренции в условиях переходного периода, недовольство местного казахского населения своим экономическим положением, обусловленное слабой адаптированностью к утверждающимся рыночным отношениям.

Чеченцы и ингуши были депортированы в Казахстан в 1944 году. Основным родом деятельности для значительной их части, стала сфера торговли, услуг, снабжения. Что даже в 1960-1980-е годы, в условиях относительно невысокой поляризации населения по уровню доходов, обеспечивало им более высокий уровень реальных доходов по сравнению с местным, преимущественно казахским населением, занятым в здравоохранении, просвещении, производственной сфере. Этнологи отмечают, что в развивающихся странах «экономическая власть в огромной степени сконцентрирована в руках «рыночно-доминирующего» этнического меньшинства»¹⁵.

В модернизируемых обществах, этнические меньшинства зачастую характеризуются более быстрым «вхождением» их в рыночную экономику. Что стало основанием введения в оборот Д.Л.Дороховым, Е.В.Палютиной,

¹⁵ См.: Элез А.Й. «Этничность»: средства массовой информации и этнология. – В кн.: Этничность, толерантность и СМИ. – М.: РАН, 2006. – С.57.

В.И.Дятловым и рядом др. российских этносоциологов термина «торговые меньшинства»¹⁶.

Форсированная социальная, этническая дифференциация в условиях начавшейся модернизации, обусловила рост социальной и межэтнической напряженности. Ранее советская система жестко пресекала социальные, межэтнические конфликты на самой ранней стадии, включая этнические конфликты на межличностном уровне. С ослаблением, начавшимся распадом политического режима в конце 1980-х годов, имущественной дифференциацией, межэтнические столкновения в Алма-Атинской области стали учащаться. В этих условиях, любая из этих стычек могла послужить поводом к межэтническому конфликту.

В отличие от предыдущих стычек между казахской и чеченской молодежью, драка 27 июля 1990 года в селе Интумак послужила поводом к относительно крупному локальному межэтническому конфликту, вовлекшему в противостояние сотни людей и получившему отражение в ряде публикаций казахстанской прессы.

Утром 28 июля в селе Интумак был созван сход граждан, состоялось примирение сторон. Но через неделю, 4 августа, вновь вспыхнула драка с применением холодного оружия. 5 августа к селу Интумак стали съезжаться казахская молодежь с соседних сел. Силами районной милиции молодежь в село не пустили. Погромы, реальность которых была очевидна, не были допущены.

Не попав в Интумак, молодежь поехала в Узунагач, где они были приняты представителями районной власти. Была достигнута договоренность, что 6 августа в Узунагаче состоится встреча конфликтующих сторон, с целью урегулирования конфликта. 5-6 августа в населенных пунктах района были созданы около двух десятков сходов. Основные требования одной из сторон конфликта – пресечение «засилья чеченцев в сфере торговли и снабжения», выселение чеченцев и ингушей с территории Казахстана.

6 августа в селе Узунагач, вместо примирительной встречи конфликтующих сторон, состоялся несанкционированный митинг. Для охраны общественного порядка, наряду с милицией района, были задействованы сотрудники Алма-Атинского областного и городского УВД. На митинге была принята резолюция, в которой выражалось требование выселить до 1 сентября чеченцев и ингушей за пределы республики. 8 августа в селе Узунагач вновь состоялся митинг, подтвердивший принятую ранее резолюцию о выселении

¹⁶ См.: Дорохов Д.Л. Проблема «торговых меньшинств» на страницах иркутской национально-патриотической прессы // Диаспоры в историческом времени и пространстве Национальная ситуация в Восточной Сибири. – Иркутск, 1994. – С.163-168; Палютин Е.В. «Торговые меньшинства»: Некоторые вопросы теории. Восприятие в общественном мнении (на примере Иркутска). – В кн.: Социально-экономические проблемы современного периода преобразований в России. – М.: Моск. обществ. научный фонд, 1996 – С.56-70; Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М.: Наталис, 2000. – 190 с.

чеченцев и ингушей. Так же, как и в конфликтах в Новом Узене, в Казансу, и ряде других последующих конфликтов, требования о депортации граждан Казахстана в конечном итоге были признаны неконституционными. Напряженная обстановка в районе сохранялась до 16-18 августа 1990 года.

Как и большинство локальных «антииммигрантских» этноконфликтов, после кратковременной «вспышки», эскалации, данный этноконфликт стал постепенно угасать. Основной тактикой властей по локализации и разрешению конфликта стал компромиссный вариант урегулирования. Стадия свертывания этноконфликта в прессе не отражена.

Уральский межэтнический конфликт (сентябрь 1991 года). Тип этноконфликта – сепаратистский. В этноконфликте участвовали 2 стороны: 1) группа казахстанцев (этнических русских) Уральской, ныне Западно-Казахстанской области, причисляющая себя к Уральскому казачеству, группа граждан России – активистов российского казачества, 2) группа казахстанцев (этнических казахов) области, активистов ГДК «Азат», общества «Казак тілі» из ряда других городов Казахстана. Поводом к этноконфликту послужило проведение 13-15 сентября 1991 года в городе Уральске членами Уральского историко-культурного казачьего общества, казачьих обществ России, 400-летия уральского казачества, служения уральского казачества Российской империи.

24 февраля 1990 года состоялась учредительная конференция Уральского городского историко-культурного казачьего общества (УГИККО), положившая начало современному казачьему движению в Уральской области. Организаторами общества стали А.А. Качалин, народный депутат КазССР В.А. Водолазов. Учредителями УГИККО выступили тесно связанные с российским Военно-промышленным комплексом оборонные заводы Уральска «Зенит», «Металлист» и другие.

В июне 1990 года в рамках УГИККО создается комитет Возрождения (КВ), который принимает Декларацию о создании автономии для уральского казачества, пересмотре границ Казахской ССР, восстановлении территориального деления России в границах до 1917 года, политической реабилитации казачества, возвращении их потомкам прав и привилегий сословия, праздновании 400-летия уральского казачества и служения уральского казачества Российской империи.

27 августа 1990 года состоялся несанкционированный митинг, в котором приняли участие около 1 000 человек. Принята резолюция о возвращении России земель бывшего Уральского казачьего войска, приостановлении на территории области действия закона КазССР «О языках в Казахской ССР», возвращении верующим собора Христа Спасителя.

22 сентября 1990 года по инициативе председателя УГИККО А.А. Качалина учреждено «народное движение возрождения» (НДВ). В принятом движением манифесте обосновывалась сецессия (отделение) от Казахстана ряда областей и присоединение их к России. 15 июня 1991 года была образована подчиненная «Союзу казаков СССР» структура – «Союз уральских казаков». Декларации уральского казачьего движения вызвали ответную волну

антисепаратистских митингов в разных городах Казахстана, способствовали росту межэтнической напряженности в области и республике.

При ГДК «Азат» был создан оперативный штаб «Аттанайык Акжайыкка». Цель организованного штаба – проведение акции протеста против празднования в Уральске 400-летия служения уральского казачества Российской империи.

Обострение ситуации, все более приобретающей конфликтный характер, было обусловлено, в том числе, позицией Уральского городского и областных властей. Горисполком, отказав УГИККО в проведении 400-летнего юбилея служения уральского казачества Российской империи, 28 мая 1991 года принимает решение о признании «целесообразности празднования дня Уральского казачества провести в составе единого праздника народов Приуралья в воскресенье 15 сентября 1991 года». Спустя некоторое время, горсовет вносит в облсовет предложение об отмене решения от 28 мая. Областной совет 5 июля принимает постановление, одобряющее решение горисполкома о праздновании дня Уральского казачества.

В августе 1991 года, со ссылкой на постановление ГКЧП, городские власти принимают решение об отмене массовых мероприятий, в том числе празднования дня Уральского казачества. 21 августа в указанное решение были внесены поправки: ссылка на постановление № 1 ГКЧП отменена, однако в целом решение городских властей оставалось в силе.

Неприемлемость празднования какого-либо юбилея казачества на территории Казахстана была признана в ходе визита 30 мая 1991 года в Алма-Ату президента СССР М.С. Горбачева. Президент России Б.Н. Ельцин 17 августа 1991 года заявил, что праздник казачества целесообразно провести на территории России.

13 сентября 1991 года в Уральск прибыли атаман Союза казаков России А.Г. Мартынов, а также делегации казачества из Москвы, Ростова-на-Дону, Краснодар, Челябинска, Самары, Оренбурга и других городов России. В тот же день из Алма-Аты, Джамбула, Чимкента, Актюбинска, Павлодара и Гурьева прибыли представители движения «Азат».

13-15 сентября активисты ГДК «Азат» провели в городе многолюдные митинги в знак протеста против казачьего юбилея, пикетировали съезжающиеся в Уральск казачьи делегации из различных регионов России. В митингах протеста принимало участие, по разным оценкам, от 3 до 10 тысяч человек. Каких-либо прямых столкновений между конфликтующими сторонами, либо одной из сторон с органами правопорядка не произошло. В целях обеспечения общественного порядка организаторами митингов был образован штаб и созданы группы по обеспечению порядка. Гарнизон милиции был переведен на усиленный вариант несения службы.

15 сентября члены УГИККО и прибывшие представители казачьих обществ России, численностью до 800 человек, организовали шествие к Храму Христа Спасителя. У входа в Храм был поднят трехцветный российский флаг, штандарты атаманов. От Храма было организовано шествие казаков к клубу

«Зенит», где состоялось юбилейное собрание, на котором выступил атаман «Союза казаков СССР» А.Г. Мартынов.

Этноконфликт достиг кульминации в 15-00 15 сентября. Толпа митингующих сторонников движения «Азат», узнав о марше и собрании казаков, двинулась с площади Революции к клубу «Зенит». На подходах к клубу толпа была остановлена стянутыми в этот район силами городского гарнизона милиции, которыми было пресечено прямое столкновение конфликтующих сторон.

В условиях обострения ситуации, в целях разъединения сторон, властями к служебному ходу клуба были поданы автобусы, вывезшие казаков на соседние железнодорожные станции. После отъезда из Уральска представителей казачества России, а затем иногородних сторонников ГДК «Азат», этноконфликт стал постепенно угасать. Межэтническая напряженность продолжала сохраняться до конца октября 1991 года. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы уральской областной прессы, - отклики читателей, зачастую диаметрально противоположные в оценке событий 13-15 сентября.

14 октября 1991 года в Алма-Ате 5 активистов ГДК «Азат» и общества «Казак тілі» объявили политическую голодовку с требованием создать независимую комиссию государственного уровня для оценки событий 13-15 сентября, сепаратистских действий уральских казаков. 25 октября 1991 года по поручению Президента Казахстана Н.А. Назарбаева была образована комиссия из числа депутатов Верховного Совета КазССР, ученых, юристов, представителей СМИ, ГДК «Азат» для изучения причин и условий, способствовавших сентябрьским событиям в Уральской области. В тот же день политическая голодовка была прекращена.

С ноября 1991 года сепаратистский этноконфликт переходит в латентную форму. Осенью 1992 года в Уральске вновь возникает противостояние казачества и азатовцев.

Восточно-Казахстанский межэтнический конфликт (15 октября – ноябрь 1992 года). Тип конфликта – этносоциальный, «антииммигрантский». В этноконфликте участвовали 2 стороны: 1) группа из числа казахского населения области, 2) представители чеченской общины области. Поводом к этноконфликту послужило убийство 15 октября в общежитии арматурного завода четырех парней (этнических казахов). В совершении убийства подозревались пятеро лиц (чеченцев), прибывших из-за пределов республики и проживавших в том же общежитии.

Эскалация этноконфликта происходила стремительно. 16 октября в городе Усть-Каменогорске начались стихийные митинги и волнения. Участники митингов требовали немедленно разыскать и покарать убийц, выселить чеченцев за пределы республики. В диалог с толпой вступали заместитель главы облисполкома, начальник облуправления внутренних дел. Временно удалось сбить накал страстей. Но, в тот же день толпа митингующих двинулась к расположенному рядом с Усть-Каменогорском

поселку Овечий Ключ, где компактно проживали чеченцы. По дороге захватывались автобусы и легковые машины.

По совпадению, 16 октября начала работу XII сессия областного Совета народных депутатов. Глава обл администрации А. Бектемисов, председатель облсовета И. Тутеволь, депутат В. Барченко немедленно выехали к месту событий. Властями была организована охрана поселка Овечий Ключ. Согласно информации местных СМИ часть жителей поселка были вооружены холодным и огнестрельным оружием. Представители власти вступили в переговоры с митингующими, требовавшими в 24 часа выселить чеченцев.

В виду крайнего обострения ситуации, грозившей обернуться массовым кровопролитием, сессия областного Совета в качестве временного манёвра приняла ультиматум митингующих и постановила: «Провести организованный выезд чеченцев за пределы области. Создать комитет по организованному переселению... Разоружить чеченцев и снять криминогенную обстановку в поселке». Основная цель властей – временная стабилизация обстановки.

С 16 по 19 октября из поселка Овечий Ключ за пределы республики, при содействии властей, выехало семь семей.

17 октября в областных средствах массовой информации было опубликовано соболезнование казахскому населению от имени чеченцев города, общества «Вайнах» г. Усть-Каменогорска. В тот же день принято постановление главы обл администрации и председателя облсовета «О введении особого режима на территории Восточно-Казахстанской области», начаты розыскные мероприятия МВД и КНБ Казахстана, координируемые с сотрудниками правоохранительных органов России, в телефонном разговоре президента Казахстана с президентом Чечни достигнута договоренность о содействии сотрудникам МВД Казахстана в розыске обвиняемых. В урегулировании конфликта в период его эскалации приняли участие лидеры республиканского чечено-ингушского НКЦ «Вайнах», лидер движения «Невада-Семипалатинск» О. Сулейменов.

Постепенное свертывание этноконфликта наступает с 20 октября. Об этом свидетельствуют действия властей, учитывавших изменение ситуации. *Через три дня после принятия обусловленного экстремальной ситуацией неконституционного решения о депортации чеченцев XII сессией, 20 октября 1992 года XIII сессия областного Совета народных депутатов постановила отменить пункт постановления XII сессии от 16 октября о выселении лиц чеченской национальности.* Первое, впоследствии отмененное постановление являлось антиконституционным, незаконным с точки зрения прав гражданина. Это было временное политическое решение в экстремальной ситуации. Как неконституционное, данное постановление, привлекло внимание Конституционного суда Республики Казахстан, однако до рассмотрения в суде дело не дошло.

22 октября 1992 года в областных газетах было опубликовано два обращения к жителям Восточно-Казахстанской области – депутатов облсовета

и чеченской общины области. Основной лейтмотив обращений – призыв не поддаваться провокациям. В ноябре этноконфликт перешел в латентную форму.

При оценке данного и многих других межэтнических конфликтов в Казахстане, следует иметь в виду одно упускаемое *всеми* комментаторами измерение неравенства. Не неравенства в обладании традиционно оцениваемыми теоретиками-политологами ресурсами (властными, экономическими, образовательными, информационными), а оружием. И это неравенство в повседневной жизни гораздо важнее, чем информационное неравенство между теми или иными социальными группами, которое пытается выправить правительство Казахстана. Это неравенство этнических групп Казахстана в оружии, обладании оружием.

В отличие от США, где право на оружие зафиксировано и гарантируется *для всех граждан* во второй (во 2-й, из числа 10-ти статей «Билля «О правах»!) поправке к Конституции этого, признаваемого в мире демократического государства, в Казахстане граждане не имеют право на оружие. Формально, общегражданского права на оружие в Казахстане нет. Однако, казахстанские реалии совершенно, жестко иные. И это факт. В числе других, прежде всего экономических, социальных, «фактор неравенства в оружии» – значимый, далеко не из последних.

Конфликты в Атырау (февраль, апрель 2005 года). Тип конфликта – трудовой, антииммигрантский. В конфликте принимали участие 2 стороны: 1) казахстанские рабочие, занятых на подрядных и субподрядных работах АНПЗ, ТШО, 2) турецкие рабочие (гастарбайтеры из Турции), занятые на подрядных и субподрядных работах АНПЗ, ТШО.

Основная *причина* конфликтов – дискриминация казахстанских рабочих в оплате и условиях труда. *Поводом* к конфликтам послужили бытовые конфликты, драки между казахскими и турецкими рабочими, обусловленные численностью (казахи и турки – две наиболее многочисленные этнические группы на стройках нефтегазового сектора в области) бытовыми условиями вахтовой работы и жизни, негативными этническими стереотипами, гетеростереотипами турецких и казахских рабочих.

Трудовые конфликты, столкновения между казахстанскими рабочими и турецкими гастарбайтерами фиксируются на турецких предприятиях (компания «Бехтел Энка») на Тенгизе с середины 1990-х годов. В 2000 и 2001 году имели место трудовые конфликты казахстанских рабочих с руководством, персоналом турецких компаний «Зафер Иншаат», «Финтрако-Тепе».

Обозреватель регионального издания «Ак жайык» Азамат Майтанов представляет следующую сводку конфликтов 2005 года на турецких предприятиях Атырау:

«В феврале 2005 года на производственном объекте турецкой компании «Гате Иншаат», занятой на реконструкции завода АНПЗ, произошли массовые беспорядки на межнациональной почве. Полицией с трудом удалось предотвратить кровавое побоище между турецкими и местными рабочими. В конфликте участвовали 400-500 человек. Несколько человек пострадало, были

разбиты полицейские автомашины. Поводом для массовой стычки стало избиение турецким бригадиром 19-летнего местного рабочего. Около 200 турецких граждан были отправлены на родину.

В апреле 2005 года – очередной конфликт между казахстанскими и турецкими рабочими уже в известной компании «Сенимди Курылыс». Несколько сотен казахстанских рабочих разгромили помещения «СК», несколько человек пострадало.

По официальной версии облакмата, причиной конфликта «послужило некорректное отношение турецкого мастера к казахстанскому рабочему». Следствием конфликта стало увольнение без всяких объяснений казахстанского строителя. Недовольная этим группа местных рабочих обратилась к администрации СП. Однако турецкая сторона уволила с работы и их. В ответ рабочие избили двух управленцев СП. Как отмечалось в пресс-релизе, имели место факты унижения рабочих, а также некорректное отношение иностранцев к казахстанским женщинам, работающим на строительстве завода»¹⁷.

Конфликты февраля и апреля 2005 года между казахстанскими и турецкими рабочими в Атырау имели резонанс в республиканских СМИ¹⁸.

Конфликт на Тенгизе (20 октября 2006 года). Тип конфликта – трудовой, антииммигрантский. Две основные стороны конфликта – 1) казахстанские (преимущественно казахские) рабочие, 2) турецкие рабочие (гастарбайтеры из Турции). Причина интегрированного социального конфликта – дискриминация казахстанских рабочих в оплате и условиях труда. Согласно данным многочисленных проверок прокуратуры, на большинстве иностранных предприятий, и прежде всего турецких, практикуется дискриминация казахстанских работников в оплате и условиях труда.

По версии казахстанских рабочих на обеденный перерыв им отводилось 20 минут. Время обеденного перерыва фиксировалось звуковым сигналом. Превышение лимита на 20 секунд влекло увольнение работника.

Зарплата казахстанцев за адекватный по квалификации и объему труд в 3-5 раз ниже, чем у турецких гастарбайтеров¹⁹.

Поводом к межэтническому конфликту стала драка между турецкими рабочими и казахстанским работником-контролером (пожарным наблюдателем).

Масштабный конфликт, имевший не только региональный, общенациональный, но и международный резонанс, развернулся в Жалыойском районе Атырауской области, на предприятии «Сенимди курылыс» (подрядчик компании PFD), занятом на строительных работах ТШО по проекту второго

¹⁷ Майтанов А. Хронология конфликтов // Ак жайык. – 2006. – 26 октября; <http://www.azh.kz/>.

¹⁸ От греха подальше - Время. – 2005. – 24 марта: Байнекеева З. Стенка на стенку // Время. – 2005. – №16, 21 апреля и др.

¹⁹ См., например: Прокуратура Алматы восстановила конституционные права более 400 казахстанских работников, подвергавшихся дискриминации в турецкой строительной компании // <http://www.procurok.kz/?type=news&iid=5&pid=152&lang=ru&nid=1231>.

поколения (ПВП). Строящийся объект расположен в нескольких десятках километров от вахтового поселка «Шанырак» (10 километрах от вахтового поселка «Тенгиз»), где проживали участники столкновения.

В беспорядках, столкновениях приняло участие более 400 человек казахстанских рабочих и порядка 150 турецких гастарбайтеров. Казахские рабочие разгромили офисы на территории завода, подожгли три контейнера, разбили три автомашины, избили свыше сотни иностранцев.

По данным прокуратуры Атырауской области в результате инцидента жертв нет. На 24 октября за медицинской помощью обратилось 136 граждан Турции, 11 человек были госпитализированы в райбольницу г. Кульсары.

В первые же дни после массовых беспорядков и погромов 20 октября 2006 года с Тенгиза начался массовый отток турецких гастарбайтеров. Из вахтовых поселков Жылыойского района в атырауский аэропорт под охраной полиции отправились караваны автобусов с гражданами Турции. К 24 октября стройки Тенгиза, а затем Казахстан покинули порядка тысячи турецких рабочих. Погромы на Тенгизе в то время стали ведущей новостью СМИ Турции.

26 октября в интервью программе «Информбюро 31 канала посол Турции в Казахстане Танер Себен заявил: «Официальные органы и СМИ не должны легкомысленно относиться к этому ЧП. Один мой знакомый сейчас находится в отделении реанимации. Это произошло в одной из нефтяных компаний. Мы должны подумать, как оправдать этот инцидент. Если так посмотреть турки ведь гости приехавшие сюда. Поэтому ответственность должна лежать на казахстанской стороне»²⁰.

Оценка конфликта турецкой стороной, учитывая официально выявленную и зафиксированную прокуратурой РК на турецких предприятиях в Казахстане дискриминацию казахстанских рабочих, носит необъективный, односторонний характер.

Межэтнический конфликт в селе Шелек Алматинской области (18-19 ноября 2006 года). Тип конфликта – этносоциальный, этнотерриториальный. В конфликте участвовали 2 стороны: 1) уйгурская молодежь, 2) казахская молодежь населенного пункта. Причины конфликта – рост социального, экономического неравенства этнических групп в Алматинской области, Енбекшиказахском районе области, этническая дифференциация, политизация этничности в молодежной среде.

Поводом к локальному межэтническому конфликту послужил инцидент (драка) 18 ноября 2006 года в расположенном в центре Шелека кафе «Старый замок» между молодежью, переросший в ходе столкновения из бытового, в межэтнический конфликт.

Экономический, социальный фактор межэтнических противоречий – начавшая набирать обороты с утверждением рыночных отношений и в

²⁰ Посол Турции в Казахстане: «Ответственность должна лежать на казахстанской стороне» // Интернет-газета "ZONA^{KZ}". Казахстан. 27 октября 2006 г.; <http://www.zonakz.net/articles/15932>.

последующие годы усиливающаяся этническая дифференциация, экономическое, социальное неравенство этнических групп. В Шелеке и Алматинской области – между уйгурами и казахами.

19 ноября в столкновениях между казахской и уйгурской молодежью приняли участие около 600 человек. «Запускающим» фоном конфликта стали взаимные негативные этнические стереотипы в уйгурской и казахской среде. Об этнотерриториальном типе конфликта свидетельствует тезис «Государство ваше, земля наша», декларированный одной из сторон конфликта²¹.

Оперативное включение сил правоохранительных органов, введение комендантского часа, организация патрулирования Шелека полицией, подключение к предотвращению эскалации и урегулированию конфликта лидеров этнических общин, способствовало свертыванию конфликта к концу ноября 2007 года.

Межэтнический конфликт в поселках Маловодное и Казатком (17-19 марта 2007 года). Тип конфликта этносоциальный, условно «антииммигрантский». Стороны конфликта – казахское и чеченское население поселков Маловодное, Казатком, ряда других сел Энбекшиказахского района Алматинской области.

Поводом к разворачиванию межэтнического конфликта стала драка 17 марта в бильярдной «Ботагоз» в поселке Маловодное (Маловодное в 40 км от Алматы) между казахами и чеченцем Мухамадом Махмахановым. В тот же вечер двоюродный брат Мухамада Тахир Махмаханов, по официальной версии следствия, недалеко от бильярдной «Ботагоз», принадлежавшей Махмахановым, сбил на джипе, а затем ранил в ногу из неустановленного оружия Бекжана Салимбаева, одного из участников драки.

18 марта группа из трехсот человек приехала на автомобилях в соседний с Маловодным поселок Казатком к дому Махмахановых с требованием выдачи Тахира. Четверо братьев Тахира вышли вооруженными навстречу толпе и открыли огонь из ружей. Около десяти человек получили ранения, двое впоследствии скончались.

Толпа начала забрасывать братьев Махмахановых и их дом камнями. Братья Махмахановы попытались бежать. Тахиру Махмаханову удалось скрыться, трое других братьев Махмахановых были пойманы и избиты сначала в Казаткоме, затем двое из Махмахановых вывезены в поселок Маловодное. Впоследствии, трое избитых братьев Махмахановых скончались.

В тот же день, 18 марта, толпой были сожжены машина, дом Махмахановых в поселке Казатком, разгромлена бильярдная в поселке Маловодное, принадлежавшая Махмахановым, разгромлены несколько киосков. В результате конфликта погибли пять человек (трое чеченцев и два казах), получили огнестрельные ранения около 10 человек.

²¹ См.: Уралбаев Е. Уйгуры Шелека: «Государство ваше, а земля наша» // Свобода слова. – 2006. – 7 декабря.

Согласно материалам судебного процесса ноября 2007 года сотрудники полиции присутствовали на всех основных этапах событий 18 марта в Маловодном и Казаткоме и по их показаниям, пытались вмешаться. Тем не менее, массовые беспорядки, погромы, убийство 5-ти человек не были предотвращены.

19 марта в центре Маловодного состоялся сход жителей, на котором присутствовали, прибывшие в зону конфликта зам. генерального прокурора Е.Мирзадинов, зам. министра внутренних дел А.Шпекбаев, руководство УВД области, представители КНБ, областного суда, акимата района, председатель Ассоциации развития культуры чеченского и ингушского народов «Вайнах» Ахмед Мурадов, активисты казахских национал-патриотических объединений. На сходе были выдвинуты требования выселить семейство Махмахановых. Толпа численностью четыреста человек снова двинулась в поселок Казатком, но была остановлена сотрудниками полиции и ОМОН²².

События в Маловодном и Казаткоме получили широкий резонанс в Казахстане, России, субъектах Российской Федерации – Чечне и Ингушетии.

Основными факторами конфликта стали бедность, безработица на селе, «обезземеливание», пауперизация значительной сельского населения, все более выраженное в последние годы экономическое, социальное неравенство этнических групп. На сходе жителей Маловодного 19 марта звучали выкрики в толпе: «Спросите, откуда у Махмахановых столько голов скота? Мы же о них все знаем. ...»²³.

Наряду с официальной версией властей событий в Маловодном и Казаткоме, как уголовного преступления, не имеющего этнических оснований, оценкой рядом экспертов, обозревателей событий как межэтнический конфликт, обусловленный социальными факторами, обосновывалась в СМИ версия о «третьей силе» – взаимосвязанных между собой криминалитете (ОПГ) и группах влияния, выступившей в качестве «запускающего механизма» разворачивания масштабного конфликта.

Согласно данным ряда источников²⁴, со ссылкой на пресс-службу Управления по борьбе с организованной преступностью Управления внутренних дел Алматы, старший из братьев Махмахановых – Шамиль Махмаханов, находившийся в период событий в Алматы, фигурирует как лидер чеченской ОПГ. Средний – Витта Махмаханов – якобы убил криминального авторитета, этнического казаха Саги в Жезказгане (В.Махмаханов был освобожден за недоказанностью вины). Один из погибших 19 марта братьев Хаджимурат являлся в период событий директором Департамента по организации деятельности исполнительного производства Комитета по судебному администрированию при Верховном суде Казахстана. В июле 2006

²² См.: Ринат Сайдуллин. Казахстан: Кто выиграл «Третью чеченскую войну»? // Фергана.Ру, 19.11.2007; <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5476>.

²³ Там же: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5476>.

²⁴ См.: Организованная преступность Казахстана: кто есть кто [24.06.2002] // <http://www.nomad.su/?a=13-200206240048>.

года Х.Махмаханов будучи администратором судов в Алматы инициировал привлечение ОМОНа и силовое решение в отношении казахских сельских мигрантов Алматинского микрорайона Шанырак. Согласно показаниям ряда свидетелей на судебном процессе ноября 2007 года по преступлениям в Маловодном и Казаткоме, инициаторами насильственных действий являлись группа неизвестных, прибывших на автомашинах в Маловодное 18 марта.

На настоящем этапе версия о «третьей силе» не обеспечена доказательной базой. Социальный (этносоциальный) фактор конфликта – основной, при том, что «третья сила» может выступать в качестве «запускающего механизма» развертывания конфликта.

Конфликт в селе Маятас Южно-Казахстанской области (30-31 октября 2007 года). Тип конфликта этносоциальный, условно «антииммигрантский». Стороны конфликта – казахское и курдское население села Маятас Толебийского района Южно-Казахстанской области.

Поводом к развертыванию этноконфликта стало уголовное преступление – изнасилование малолетнего ребенка, совершенное 20 октября подростком, этническим курдом. 28 октября подозреваемый в совершении преступления был арестован. В селе начались волнения. Дома курдов села забрасывались камнями. Выдвигались требования о выселении всех курдов села. Сход жителей вынес решение о выселении в трехдневный срок семьи задержанного, обвиняемого в преступлении. 30 октября предприняты попытки поджога домов курдов.

31 октября толпой нападавших, сожжен дом семьи задержанного подростка. Межэтнические столкновения, поджоги домов курдов, беспорядки были отмечены в ряде сел Толебийского, Байдибекского, Сайрамского района.

1 ноября из Астаны в Маятас прибыл председатель Комитета административной полиции МВД РК М.Оразалиев, в административном центре области Шымкенте создан оперативный штаб, организован сбор информации из населенных пунктов области, патрулирование отрядами полиции села Маятас.

Несмотря на предпринятые с 26 ноября меры по организации силами полиции охраны домов курдов в селе Маятас, 31 ноября дом семьи обвиняемого в преступлении подвергся погрому.

Основными причинами социального (межэтнического) конфликта стали масштабы и уровень бедности в Южно-Казахстанской области (согласно данным Агентства РК по статистике, одни из наиболее высоких по стране, см.: www.stat.kz), усиливающаяся этническая дифференциация по уровню доходов. Определенную роль могли сыграть и *негативные* этнические стереотипы.

Конфликт в Маятасе по ряду параметров (тип – этносоциальный, условно «антииммигрантский» конфликт) схож, близок к конфликту в Маловодном и Казаткоме. В обоих случаях, оценка причин, событий, разворачивавшихся в ходе конфликтов со стороны лидеров ряда казахских с одной стороны и чеченских, курдских этнических объединений с другой – диаметрально противоположная.

В целом, наряду с объективными, базисными этносоциальными факторами конфликтов в Алматинской и Южно-Казахстанской области, «фоновым» фактором в масштабах республики все больше становятся и негативные этнические стереотипы.

Обзор межэтнических конфликтов последних двух десятилетий в Казахстане отражает общую динамику трансформации экономических отношений, характер и динамику общественно-политических процессов в постсоветском Казахстане.

Конфликты 1986-1992 годов – этнополитические и этносоциальные, условно «антииммигрантские», сопровождавшиеся возрастанием этнического фактора в обществе («этнический ренессанс» по терминологии СМИ второй половины 1980-х годов), обусловленные общими процессами дезинтеграции, последующего распада СССР, образованием новых государств, кризисом гражданской идентичности у части населения, начавшимися процессами социальной дифференциации населения.

В 1993-1999 годах, в условиях падения уровня жизни большинства населения, системного экономического кризиса, сопровождавших начальный этап трансформации экономической системы, компромиссного решения в Конституции РК 1995 года ряда вопросов, дебатировавшихся в Казахстане на начальном этапе становления государственности, отмечалось постепенное снижение роли этнического фактора в иерархии экономических, социальных и других факторов социальной напряженности.

В 2000-2007 годах, с экономическим ростом, сопровождавшимся возрастанием масштабов трудовой иммиграции, этно-экономической конкуренцией казахстанских и иностранных рабочих на рынке труда, ростом поляризации населения по уровню доходов, этнической дифференциацией, вновь, как и в конце 1980-х – начале 1990-х годов вновь возрастает значение этнического фактора в социальных конфликтах. В отличие от конфликтов 1996-1992 годов, в 2000-2007 годах определяющими выступают не политический и идентификационный, а экономический и социальный факторы межэтнических конфликтов.

Переход к рыночным отношениям в 1990-е годы изменил основания социального взаимодействия, и соответственно, основания конфликтного потенциала. Нефтегазовые области Западного Казахстана, будучи донорами республиканского бюджета, характеризуются и наиболее выраженным в стране социальным расслоением населения, поляризацией населения региона по уровню доходов, доминированием иностранных компаний в экономике региона, масштабным привлечением иностранными компаниями гастарбайтеров из дальнего зарубежья. В отличие от ситуации конца 1980-х годов, уже в иных экономических и социальных реалиях начала XXI века, нефтегазовые предприятия, стройки, вахтовые поселки Казахстана становятся очагами потенциальных антииммигрантских, межэтнических по форме конфликтов,

обусловленных этно-экономической конкуренцией, дискриминацией казахстанских рабочих, персонала в оплате и условиях труда.

С 2006 года наблюдаются тенденции политизации этничности, проявляемые в активизации этнических объединений, оценках конфликтов, общественно политической ситуации рядом оппозиционных политических партий.

2.3. Декабрьские события 1986 года

Декабрьские события 1986 года занимают особое место в новейшей политической истории Казахстана. В России, других странах СНГ и на Западе, они, как правило, неверно трактуются как первый масштабный, в серии других последовавших, *межэтнический* конфликт в Союзе ССР. И именно этим обусловлены необходимость расставить точки над «i», анализа событий в данном разделе, посвященном *межэтническим* конфликтам.

Декабрьские события 1986 года *не являются межэтническим*, — в частности, между двумя сторонами, казахами и русскими, либо казахами и «русскоязычными» Казахстана, — конфликтом. Демонстранты были против навязываемой Центром фигуры, предлагая в качестве альтернативы кандидатуры любых других, включая этнических русских, *но из казахстанцев*. Это был *политический* конфликт между Центром и республикой в составе квазифедерации СССР. *На определенной стадии, как и во многих полиэтнических странах, события приняли форму этнополитического (не межэтнического!) конфликта.*

Митинги молодежи стали первой масштабной акцией протеста против тоталитарного режима в СССР.

Стихийная демонстрация студенческой и рабочей молодежи 17 декабря 1986 года на Новой площади Алма-Аты, на начальном этапе, развивалась как чисто политическая акция, политический конфликт и была обусловлена комплексом социально-экономических и политических факторов. В политическом конфликте участвовали 2 стороны: 1) казахская студенческая и рабочая молодежь, 2) политический режим, в лице политического руководства Центра, силовые структуры. На начальной стадии, характер конфликта — политический, социальный (этносоциальный).

Поводом к политическому конфликту послужило решение Пленума ЦК КП Казахстана 16 декабря 1986 года об избрании (фактически назначении Центром) Г.В. Колбина Пленумом первым секретарем республиканской парторганизации, что в условиях советской политической системы означало руководителем республики (ст. 6 Конституции СССР).

17 декабря к 7-8 часам утра на площади перед зданием ЦК КП Казахстана собрались первые группы молодежи в количестве 200-300 человек. К 13-30 численность демонстрантов составляла 5 000 человек. Молодежь выражала недовольство отстранением от власти Д. А. Кунаева, назначением Г.В. Колбина, тяжелыми социальными условиями жизни, трудностями с жильем, работой, ограниченностью сферы применения казахского языка. Основные лозунги

митингующих — «Требуем уважения ленинских принципов национальной политики», «Каждой республике свой вождь», «Да здравствует Казахстан!».

В период времени с 15-00 до 18-00 мелкие стычки стали перерастать в массовые беспорядки, появились первые раненые. В 18-00 по приказу министра внутренних дел республики Г.Н.Князева начался разгон демонстрации частями внутренних войск и ситуация окончательно стала неуправляемой. Стычки митингующих с правоохранительными органами, войсками стали переходить в ожесточенные схватки. В 23-00 — 24-00 проведена операция по разгону демонстрантов с применением малых саперных лопаток, дубинок и служебных собак.

18 декабря по указанию партийных органов на площадь и на улицы города вышли сформированные по этническому признаку отряды дружинников, вооруженные палками, металлическими прутьями, обрезками кабеля. Город заполнили слухи о массовых жертвах, начались стычки по этническому признаку между группами казахской молодежи с одной стороны, и дружинниками, правоохранительными органами, — с другой. Непосредственно 18 декабря политический конфликт стал трансформироваться в межэтнический — комплексный этнополитический, этносоциальный конфликт.

В политологической, конфликтологической литературе не раз отмечалось, что в полиэтнических государствах «фактически любой внутренний конфликт, социально-экономический или политический по своей природе, обретает этническую окраску»²⁵. Тем не менее, до полудня 17 декабря трансформация конфликта в этнополитический (не межэтнический!), не была неизбежна.

18 декабря в 20-30 началась операция по разгону демонстрантов «Метель», в которой были задействованы 3 200 человек личного состава милиции и внутренних войск, 15 БТР Среднеазиатского военного округа. С самой ранней стадии развертывания конфликта в форме межэтнического (с 18 декабря), конфликт приобрел масштабный характер. 19-25 декабря отдельные выступления, в которых в общей сложности участвовало около 2 500 человек, имели место в городах Джезказгане, Караганде, Павлодаре, Дамбуле, Чимкенте, Талды-Кургане, Кокчетаве, Аркалыке, поселках Чемолгане, Сары-Озеке и других. В дни декабрьских событий погибли три человека и три человека, которых также можно отнести к жертвам конфликта, по официальной версии, покончили жизнь самоубийством. Общее количество задержанных, по данным третьей Комиссии Президиума ВС КазССР по оценке декабрьских событий, составило 8 500 человек.

Предпринятая М. Горбачевым кадровая чистка 1985-1986 годов в ряде союзных республик не учитывала рост этничности в обществе, роли этнического фактора в распределении властных ресурсов.

²⁵ Тишков В. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. — № 4. — С. 5.

Политический конфликт стал вступать в стадию эскалации с 13-30 17 декабря, когда провалились первые попытки власти наладить политический диалог с демонстрантами и был отдан приказ блокировать площадь. Мелкие стычки пытавшейся прорвать оцепление молодежи с спецчастями внутренних войск, стали постепенно переходить в ожесточенные схватки. Пик эскалации политического конфликта происходил в период времени с 18-00 до 24-00 17 декабря.

С 18 декабря политический, социальный конфликт трансформировался в интегрированный – политический, этносоциальный конфликт. Перерастанию политического конфликта в этнополитический, способствовала политика властей: отсутствие практики ведения диалога с массами, оценка Центром на самой начальной стадии социального, политического конфликта, как межэтнического, официальное определение митингующих как националистов, экстремистов, наркоманов (сообщение ТАСС и т.д.), сверхжесткие репрессивные акции против митингующих (применение саперных лопаток, дубинок, розыскных собак, вывоз задержанных без верхней одежды за город, избивание задержанных в следственных изоляторах), формирование и вооружение на этнической основе отрядов рабочих дружинников.

18-25 декабря – стадия эскалации и развития этнополитического конфликта, характеризовавшаяся возникновением очагов конфликта в ряде городов, поселков Казахстана, многочисленными эпизодами межэтнических столкновений на личностном и групповом уровнях, актуализацией эмоционального фактора конфликта, усилением манифестарного характера этнополитического конфликта.

Ни компромиссный, ни интегральный вариант разрешения конфликта не был реализован. Попытки нейтрализовать причины, обусловившие этноконфликт мерами исключительно в сфере социальной, – программа «Жилье-91», идеологической, – пропаганда дружбы народов, без учета исторических, политических, экономических, этнопсихологических факторов, не могли быть достаточно эффективны. Негативным последствием декабрьского конфликта, не преодоленным до настоящего времени, стал своеобразный этнопсихологический «декабрьский» синдром – относительно значимая, прежде не проявленная социальная, этническая дистанция между двумя наиболее многочисленными этническими группами Казахстана²⁶.

²⁶ Подробнее: Мустафаев Н. Этносоциальная стратификация в Казахстане // Правила игры. – 2009. – октябрь. – С.47-53. То же: <http://www.zonakz.net/articles/27203>.

РАЗДЕЛ 3. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Межэтнические противоречия – частная форма социальных противоречий, обусловленных неравенством, реальными различиями в распределении богатства, престижа и власти между этническими группами²⁷.

3.1. Критерии фактора межэтнических противоречий

Время, история появления фактора. Противоречия данного типа проявлены во всех полиэтничных странах. В постсоветский период, в условиях становления новой государственности, приватизации, межэтнические противоречия обусловлены новыми статусными ролями, позициями основных этнических групп, трансформацией системы этнической стратификации.

Следствие роста межэтнических противоречий – рост конфликтного потенциала, межэтнические конфликты. Известные этноконфликты в Казахстане кануна распада СССР и постсоветского периода отражали актуальность статусных противоречий между казахами и русскими в 1986-1995 гг., обострение противоречий в форме этно-экономической конкуренции между казахами и чеченцами (ингушами, лезгинами) в 1989-1992 гг. Этноконфликты 2000-2006 гг. – следствие роста противоречий между казахами (этнотами Казахстана) и турецкими трудовыми иммигрантами, обусловленные этническим неравенством – разницей в оплате и условиях труда между казахскими (казахстанскими) работниками и гастарбайтерами.

Охват, «ареал» социальных страт. В межэтнических конфликтах сторонами выступают представители специфических социальных общностей – этносов или этнических групп.

Анализ всех масштабных и локальных этноконфликтов 1989-2007 гг. в Казахстане показывает, что межэтнические противоречия оказались наиболее проявлены не у большинства, а у представителей лишь нескольких этносов – казахов, русских, чеченцев, ингушей, лезгин, турков зарубежья:

- казахи + русские (казаки) – Уральский этноконфликт 1991 г.;
- казахи + северокавказские этносы (лезгины, чеченцы, ингуши) – Новоузенский этноконфликт 1989 г.;
- казахи + чеченцы, ингуши – Казанский 1989 г., Узун-Агачский 1990 г., Восточно-Казахстанский 1992 г. этноконфликты.
- казахи, другие этнические группы РК + турки зарубежья – серия локальных и масштабных антииммигрантских конфликтов 2000-2006 гг. в Астане, Алматы, Атырауской области;
- казахи + уйгуры (Шилек, 2006 г.);
- казахи + курды (Маятас, 2007 г.).

²⁷ См.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и ответ. Ред Л. М. Дробичева. – М.: Academia, 2002. – 480 с; Дробичева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Academia, 2002. – 376 с.

Характер установок населения применительно к воздействию фактора. Декабрьские события 1986 г. сказались на установках населения как в отношении собственно этноконфликтов, так и межэтнических противоречий, влекущих конфликты подобного рода. «Шоковое последствие» декабрьских событий отчасти сохраняется. Межэтнические противоречия и межэтнические конфликты продолжают оцениваться как одна из основных угроз общественной и личной безопасности.

Интенсивность воздействия

А) Отношения между властью и населением. На нынешнем этапе фактор межэтнических противоречий (социальное неравенство этнических групп, низкая представленность во власти, бизнесе) снижает уровень доверия и поддержки власти со стороны отдельных этнических групп. Несмотря на высокую представленность казахов во власти и крупном бизнесе, относительно низкий уровень жизни казахской этнической группы, преобладающего в сельском населении, среди внутренних мигрантов в городах, этнических репатриантов (оралманов), относительно низкая конкурентоспособность в малом и среднем бизнесе, влияют на снижение поддержки власти.

Наименьшая поддержка партии власти РПП «Отан» на парламентских выборах 2004 г. ЦИК зафиксирована в моноэтнических Кызылординской и Мангистауской областях и отражает слабую поддержку партии власти в округах этнического доминирования казахского населения.

Б) Влияние на характер общественно-политической ситуации. В отличие от первой половины 1990-х гг., межэтнические противоречия переместились из политической в экономическую сферу. В настоящее время, этно-экономические противоречия не стали осознанными, актуализированными. Последние 3 этноконфликта 2005-2006 гг. в Атырауской области между казахами и турецкими гастарбайтерами, имевшие широкий резонанс в СМИ, оказали влияние на рост социальной напряженности.

Антииммигрантские (антитурецкие, антикитайские) настроения, акции, мигрантофобия, ксенофобия влияют на рост социальной, межэтнической напряженности, особенно в среде отдельных этнических общин. Что связано с особенностями этнической диспозиции Казахстана, вероятностью вовлечения в антииммигрантские конфликты ряда диаспор – турецкой, курдской, уйгурской, а также 20-25-тысячных турецких и китайских общин временных трудовых иммигрантов.

Устойчивость фактора. Значение межэтнических противоречий в 1990-1995 гг. возрастает, в 1996-1999 гг. – постепенно снижается, 2000-2006 гг. – вновь возрастает. Тем не менее, в ряду других конфликтогенных факторов, этнический фактор продолжает оставаться значимым, что отражают данные соцопросов 2001-2005 гг.

География действия фактора. Исходным условием возникновения конфликтной ситуации, конфликтного взаимодействия разного уровня между

этносомами, как большими социальными группами, является этнический состав населения.

Межэтнические противоречия в экономической сфере, – доступ к материальным ресурсам, доминирование в отдельных рынках, отраслях, неравенство в оплате труда, – конфликтный потенциал межэтнических противоречий, значимы в регионах со сложным этническим составом населения, в частности, в зонах непосредственного повседневного взаимодействия, острой этно-экономической конкуренции, столкновения интересов 2-х и более этнических групп.

Зонами реальных и потенциальных межэтнических конфликтов в экономической сфере являются *Атырауская, Мангистауская, Актюбинская области, города Астана и Алматы*, где на объектах нефтегазового сектора, в строительстве задействованы десятки тысяч турецких и китайских трудовых иммигрантов.

Зоной наибольшего влияния фактора межэтнических противоречий в политической сфере является *Усть-Каменогорский промышленный субрегион доминирования русской этнической группы – города Усть-Каменогорск, Зыряновск, Курчатов, Риддер, Бородулихинский, Глубоковский, Зыряновский, Шемнаихинский районы ВКО*.

Зонами потенциальных межэтнических конфликтов, включая детерминированные внешним фактором конфликты ирредентистского типа, являются два субрегиона.

Первый – *этнический анклав компактного расселения, доминирования узбеков – город Туркестан с прилегающими сельскими округами, Сайрамский район ЮКО*.

Второй субрегион – *этнический анклав доминирования уйгуров – зона сплошного, компактного расселения с запада на восток уйгурской диаспоры, включая этнические анклавы в Жетысуском, Турксибском районе Алматы, части Енбекшиказахского, Панфиловского и Уйгурского районов Алматинской области*.

Генезис и уровень субъективации. Возникновение и рост межэтнических противоречий в РК в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. были закономерны в условиях перехода к новой государственности, смены статусных позиций основных этнических групп, развития рыночных отношений, новой экономики, перераспределения ресурсов в ходе приватизации.

Фактор межэтнических противоречий, проявляемых ныне, прежде всего, в борьбе за экономические ресурсы, – объективного характера. Роль воздействия субъективного характера на снижение межэтнических противоречий, переместившихся в последние годы в основном в экономическую сферу, незначительна.

Наряду с объективными основаниями, причины субъективного характера заложены в серии этноконфликтов между казахами и турками 2000-2006 гг. В частности, недостаточность действий органов управления (МТСЗН, Главный

инспектор труда РК, инспектора труда, областной акимат) по контролю соблюдения трудового законодательства на предприятиях иностранных инвесторов.

Учитывая в целом объективный характер генезиса межэтнических противоречий незначительную степень их субъективизации, а также значение ряда критериев (оценка населением, воздействие на характер отношений между властью и населением, воздействие на ОПС) этнического фактора в последнее десятилетие, в ряду других выделяемых факторов конфликтного потенциала, фактор межэтнических противоречий оценивается как значимый. По сравнению с предшествующим периодом 1995-1999 гг., фактор межэтнических противоречий все более актуализируется, — прежде всего в экономической сфере, — как базисный фактор, канализирует противоречия между работниками и работодателями (Западный Казахстан).

3.2. Выводы

Анализ критериального ряда фактора межэтнических противоречий в РК позволяет констатировать обозначившееся в конце 1990-х гг. снижение уровня межэтнической напряженности по сравнению с начальным этапом государственного строительства, системной модернизации.

Тем не менее, в иерархии факторов конфликтного потенциала, угроз общественной безопасности, внутривластной стабильности, фактор межэтнических противоречий, как базисный, идентификационный сохраняет свое значение.

Относительная деактуализация этнического фактора в 1995-2006 гг. обусловлена:

- ситуативностью высокого уровня межэтнических противоречий в начале 1990-х гг., связанных с новой государственностью, кризисом государственной (гражданской) идентичности у значительной части представителей титульного населения, сменой статусов двух крупнейших по численности этнических групп — казахов и русских, изменениями системы этнической стратификации;

- постепенным снижением этноконфликтного потенциала с середины 1990-х гг. в связи с переходом от этнической — к политической трактовке политико-правового понятия «нация», законодательно закрепленным в действующей Конституции 1995 г. (нация — все граждане РК);

- «компенсирующей» этноконфликтный потенциал ролью масштабной эмиграции;

- сохраняющимся психологическим «последствием» масштабного этноконфликта 1986 г. для большинства населения (2/3 населения РК — возрастные когорты старше 18 лет);

- относительно благоприятным социально-экономическим фоном, снижающим остроту, уровень межэтнических противоречий в посткризисный период (с 2001 г.);

- этно-демографическими изменениями 1991-2006 гг., влияющими на большую моноэтнизацию ареалов компактного проживания отдельных этносов, и соответственно, на снижение этноконфликтного потенциала — с одной стороны, возрастание этнической дистанции — с другой.

Значения критериального ряда фактора межэтнических противоречий — локальность в социальном (этническая дистанция) и физическом пространстве (тенденции моноэтнизации субрегионов), заметное «смещение» межэтнических противоречий из политической (представленность во власти, борьба за властные ресурсы) — в экономическую сферу (этническое разделение труда, этно-экономические ниши, межэтническая конкуренция в отраслях экономики), последовательное в последнее десятилетие снижение влияния этнических партий и движений, отражает относительное снижение ранга межэтнических противоречий в иерархии других факторов.

Тем не менее, как базисный фактор, основанный на идентификационном признаке, в частности, на этнической идентификации, фактор межэтнических противоречий сохраняет значение. Этническая идентификация — одно из наиболее устойчивых и значимых оснований в системе стратификации казахстанского общества. Согласно социологическим опросам населения, доминирование этнической идентификации над гражданской, было четко обозначено не только в период «этнического ренессанса» конца 1980-х — начала 1990-х гг., но и спустя десятилетие. В 2001 г. значение принадлежности к этносу, в противовес гражданству, отметили большая часть респондентов: казахи, соответственно — 85,4%, русские — 75,4%, представители др. этнических групп — 75,4%²⁸.

Как базисный фактор, межэтнические противоречия в последнее пятилетие канализирует другие факторы прямого действия. Так, неравенство в оплате и условиях труда казахстанских и турецких рабочих на строительстве объектов нефтегазового сектора в Атырауской области, обусловленные в конечном итоге противоречиями между работниками и собственниками компаний, на нынешнем этапе принимают форму межэтнических конфликтов.

Как базисный фактор, фактор межэтнических противоречий может актуализироваться при росте неуправляемой внутренней миграции, мигрантских конфликтах, росте поляризации населения, усилении политического ислама, таких форм его проявления, как экстремизм, терроризм.

Особенность казахстанской этнополитики — неформализованный характер, отсутствие системной, структурированной идейно-теоретической основы национальной (этнической) политики, специальных формализованных политико-правовых документов в виде концепции национальной политики. Что может оцениваться и как преимущество и как недостаток этнополитики. При этом, сохранение статус-кво сложившихся в минувшее десятилетие межэтнических отношений, межэтнического согласия выступает одновременно

²⁸ Малинин Г.В., Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н. Теория и практика межэтнического взаимодействия в современном Казахстане: Учеб. пос. для вузов. — Алматы: ИфиП МОН РК, 2002. — С.85.

и как основная цель, и как единственный идейно-теоретический концепт всей системы этнополитики.

Основными документами сферы политико-правового обеспечения казахстанской этнополитики являются действующая Конституция РК (1995 г.), «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы», «Положение об Ассамблее народов Казахстана» (утверждено указом Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 г., № 856), «Стратегия Ассамблеи народов Казахстана на долгосрочный период» (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 г. № 856), «Программа совершенствования казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия на 2006-2008 годы» (утверждена Постановлением Правительства РК от 28 июня 2006 г.).

При этом, в программных документах четко не обозначены конкретные механизмы согласования интересов этнических групп Казахстана.

Основные направления этнополитики в контексте повестки дня, новаций в этнополитике, представлены в ежегодных Посланиях Президента народу Казахстана, выступлениях главы государства на ежегодных сессиях Ассамблеи народа Казахстана.

Несмотря на отсутствие достаточной научно-теоретической базы этнополитики, законодательно закрепленных механизмов согласования интересов этнических групп, действия органов управления по минимизации фактора межэтнических противоречий оцениваются как в основном достаточные, не полностью адекватные (односторонние) и относительно эффективные.

К числу адекватных действий органов управления относятся:

- массированное, постоянное информационное воздействие с целью продвижения идеи межэтнического согласия, усвоения населением норм и ценностей межэтнического согласия;

- деполитизация этничности путем введения нормы в закон РК «О политических партиях» (2002 г.), ограничивающей создание политических партий на этнической основе (как следствие – сход с политической арены прежде зарегистрированных в 1999 и 2002 гг. министерством юстиции НПК «Алаш» и «Русской партии Казахстана»);

Достаточная, относительно адекватная этнополитика, эффективность, прежде всего информационной составляющей действий органов управления, определяют невысокую степень рисков, роста межэтнических противоречий, развертывания локальных либо общенациональных этноконфликтов незначительна.

3.3. Рекомендации (Меры по минимизации конфликтного потенциала)

Меры точечного характера.

Снижению межэтнических противоречий по вопросам этно-экономического неравенства и этно-экономической конкуренции способствуют:

- внесение изменений, дополнений в трудовое законодательство (Трудовой кодекс РК), «Положение о Министерстве труда и социальной защиты населения» (2004 г.) в части «Положение о государственном инспекторе труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. 2. Основные задачи, функции и права госинспекторов труда», закон, регламентирующий деятельность частных охранных служб (служб безопасности), обеспечивающих выполнение (допуск в офисы и предприятия) госинспекторами труда и работниками прокуратуры задач пресечения дискриминации в оплате труда;

- применение всего спектра, объема полномочий правительства акиматов, уполномоченных органов в лице МТСЗН и его подразделений, Генеральной прокуратуры, а также трехсторонних комиссий по социальному партнерству, по соблюдению норм трудового законодательства (принимаемого «Трудового Кодекса РК») в части пресечения дискриминации казахстанских работников со стороны иностранных инвесторов (предпринимателей);

- внедрение реального, регулярного контроля за исполнением иностранными инвесторами статей контракта по повышению квалификации, подготовке казахстанских кадров, с последующим замещением иностранной неквалифицированной рабочей силы и персонала среднего звена;

- анализ причин доминирования турецких строительных компаний на строительном рынке страны (при заключении крупными иностранными компаниями, государственными структурами подрядных договоров), разработка и внедрение механизмов обеспечения приоритета казахстанским строительным компаниям при предоставлении соответствующих по качеству и другим параметрам услуг со стороны государственных структур и иностранных компаний;

Меры системного характера.

- разработка, утверждение, реализация новой концепции и государственной программы дальнейшего укрепления гражданской идентичности и казахстанского патриотизма;

- конкретизация деятельности НКЦ в решении декларируемой и законодательно закрепленной задачи («Положении об Ассамблее народа Казахстана»; 16.04.2002) – «содействие обеспечению учета многообразных национальных интересов в проводимой государством национальной политике»;

РАЗДЕЛ 4. ВНУТРИЭТНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: РОСТ ТРАЙБАЛИЗМА

Трайбализм в казахских этнических сообществах *в этнокультурном плане не является негативным фактором*. Родовое деление является одной из неотъемлемых, характерных черт казахского этноса.

В условиях современного Казахстана трайбализм – дифференциация казахского общества по родоплеменным и кровнородственным основаниям, формирование групп интересов на родовых основаниях с целью достижения определенного положения.

Конфликтный потенциал трайбализма обусловлен формированием и усилением не институционализированных, образованных на основе родового деления региональных групп интересов в экономической и политической сфере.

4.1. Критерии фактора внутриэтнических противоречий (роста трайбализма).

Время, история появления фактора. В Казахстане фактор роста трайбализма обозначается на рубеже 1980-1990-х гг. В условиях коренных, системных экономических преобразований трайбализм актуализировался как «психологическое убежище» для значительной части неадаптированного к рыночным отношениям казахского, большей частью сельского населения, был использован прежними и новыми региональными элитами с целью аккумуляции властных и экономических ресурсов.

Актуализировавшийся в начале 1990-х гг. как побочный адаптирующий механизм для части населения и региональных элит в условиях модернизации, с начала 2000-х гг. трайбализм становится самостоятельным фактором, задающим социально-политические, экономические процессы в регионах. Одним из показателей трансформации трайбализма в самостоятельный фактор системы управления, по версии ряда исследователей являются беспорядки в августе-сентябре 2006 г. в Актау и Атырау.

Организованный характер акций протеста свидетельствует об участии местных региональных элит, кланов. Массовость, спонтанность участия населения – об актуальности трайбалистских представлений среди казахского населения регионов, значимости родовой принадлежности (идентичности) в общественном мнении, распространенности тезиса о перекосах в кадровой политике, диспропорциях участия во власти представителей основных родов региона (западного Казахстана), доминирования представителей одного, не самого многочисленного и не самого влиятельного прежде в традиционной родо-племенной иерархии рода Младшего жуза в структурах власти Западного Казахстана²⁹.

²⁹ Бакытгереев Ж. Засилье представителей алимуды как одна из причин событий в Актау // Интернет-газета «ZONAKZ». Казахстан. – 2006. – 4 октября // URL: <http://www.zonakz.net/articles/15716>

Охват, «ареал» социальных страт. Охватывает все основные страты казахского общества за исключением высшего эшелона политической власти, высшей бизнес-элиты для которых, как и во всем мире, родовая и этническая принадлежность не играет сколько-нибудь значимой роли, и низших страт, для которых фактор вертикальной социальной мобильности не актуален. Для других этнических групп страны характерна не внутриэтническая дифференциация на родовых основаниях, сколько этническая консолидированность, «этническая солидарность», подтверждаемая этническим предпринимательством, особенностями формирования этно-экономических ниш.

Характер установок населения применительно к воздействию фактора. Часть казахского населения в разных регионах, в той или иной степени, вовлечена либо ориентирована на участие в системе трайбалистских отношений с целью реализации в первую очередь личных, и опосредованно групповых, клановых интересов. Тем не менее, не только исключенными, но и включенными в систему трайбалистских отношений, трайбализм воспринимается как значимый дестабилизирующий фактор.

Неказахское население, непосредственно не вовлечено в систему трайбалистских отношений, воспринимает трайбализм как ограничитель самореализации представителей нетитульных этнических групп, «шлюзы» вертикальной социальной мобильности, механизм доминирования во власти и бизнесе региона, в противовес всем иным этническим группам, титульного этноса, а не отдельных групп интересов на родовых основаниях. Фактор трайбализма неказахским населением воспринимается как одна из основных составляющих межэтнических противоречий. Меньшая часть неказахского населения слабо информирована о системе трайбалистских отношений, имеющих преимущественно скрытый характер.

Интенсивность воздействия ФКП.

А) Отношения между властью и населением. Трайбализм оказывает негативное влияние на характер отношений между населением и властью, поскольку противоречит принципу равных возможностей, соответственно, – прямо противоречит интересам большинства населения. Неправовой характер системы родовых, клановых предпочтений наряду с ограниченностью самих властных, материальных и иных ресурсов распределяемых на родовых основаниях и соответствующим исключением из процессов распределения большинства, влияют на ухудшение характера отношений между населением и властью.

Б) Влияние на характер ОПС. Трансформация трайбализма из «фоновой» в значимый, и в последующем – самостоятельный фактор кадровой политики на региональном (областном), районном уровнях, влияет на ОПС, рост социальной напряженности, которая может резко возрастать при новых назначениях, часто сопровождаемых «тотальной» сменой команд на региональном, районном уровнях.

Устойчивость фактора. В условиях ускоренной модернизации роль фактора трайбализма последовательно меняется от эпизодического воздействия на конфликтный потенциал – до периодического и постоянного дестабилизирующего фактора в отдельных регионах страны. Что подтверждают данные разновременных исследований 1995 и 2001 гг., «трайбалистская», наряду с экономическими и социальными причинами *по версии* ряда исследователей, составляющая, беспорядков в Актау, акций протеста в Атырау 2006 г.³⁰.

География воздействия фактора. Трайбализм в разной степени является значимой составляющей социального взаимодействия почти во всех регионах Казахстана. Как феномен непосредственно казахской внутриэтнической дифференциации, трайбализм и связанный с ним конфликтный потенциал не актуальны в субрегионах абсолютного доминирования русских в северных, прилегающих к России районах СКО, ВКО, Костанайской областей, компактного расселения уйгуров в 2-х районах Алматинской области, узбеков в Сайрамском районе ЮКО.

В южном, западном и отчасти юго-восточном Казахстане трайбалистские сети, аналогичные этническим и мигрантским сетям, стали значимым в реализации индивидуальных, групповых интересов. Трайбалистские по содержанию и форме противоречия переходят в стадию конфликта на фоне высокой степени поляризации населения по уровню доходов. *Очагами потенциальных социальных конфликтов, вызванных ростом трайбализма являются Атырауская и Мангистауская области.*

Генезис и уровень субъективации. Трайбализм как особый механизм адаптации, «встраивания» части казахского населения, прежних региональных элит в новые экономические, политические условия имеет объективные социально-психологические основания.

Негласная практика учета родовой принадлежности в кадровой политике привела к трансформации трайбализма в самостоятельный фактор социально-политического и экономического развития западных регионов Казахстана, сужает эффективность системы управления «Центр-регионы». Значение субъективных причин, субъективации фактора, – недооценки, и в последующем, учете родовых оснований в кадровой политике, – высоки.

Учитывая значение ряда критериев (оценка населением, воздействие на характер отношений между властью и населением, воздействие на ОПС) фактора на всех этапах модернизации (в постсоветский период), **в ряду других выделяемых факторов, фактор конфликтного потенциала роста трайбализма – актуален для Атырауской, Мангистауской областей, значим – для Актыбинской, Западно-Казахстанской, Кызылординской, Южно-Казахстанской, Жамбылской, Алматинской областей.**

³⁰ Казахский трайбализм: состояние, особенности и пути преодоления: Аналитический доклад. – Алматы: ИРК, 1995; Умбеталиева Т.Б. Явление трайбализма в Казахстане // Казахстан-Спектр. – 2001. – № 3. – С.35-46.

4.2. Выводы

Учитывая значение ряда критериев (оценка населением, воздействие на характер отношений между властью и населением, воздействие на ОПС) фактора на всех этапах модернизации (в постсоветский период), в ряду других выделяемых факторов, фактор конфликтного потенциала роста трайбализма – актуален для Атырауской, Мангистауской областей, значим – для Актыбинской, Западно-Казахстанской, Кызылординской, Южно-Казахстанской, Жамбылской, Алматинской областей.

Постулируемый зарубежными экспертами тезис об общенациональном характере трайбалистских противоречий (уровень жузов) – не обоснован. Столкновение интересов во властной, экономической сферах происходит не между жузами (Старшим, Средним, Младшим), а между «трайбалистскими» (дифференцируемыми по родовому признаку) группами интересов в регионах.

Рост трайбализма, как базисный фактор, канализирует конфликтный потенциал, протестные настроения вызываемые поляризацией населения. Целенаправленное со стороны региональных элит, либо спонтанное – с участием наименее обеспеченных групп населения столкновение по перераспределению властных, экономических ресурсов реально в западных и южных регионах Казахстана: прецедент – массовые беспорядки, акции протеста в августе-сентябре 2006 г. в Актау, Атырау.

Угрозы роста трайбализма актуальны для западного, и в меньшей степени, для – южного и юго-восточного Казахстана. Выражаются в деформации, нарушении системы управления, новых переделах собственности в регионах, влиянии трайбализма на избирательные процессы, выборы в маслихаты, Мажилис, усилении противоречий «Центр-периферия».

Недооценка на начальном этапе «ренессанса» трайбалистских отношений, последующая целенаправленная, а впоследствии вынужденная политика учета родовой (жузовой) принадлежности при назначениях акимов, характеризуют просчеты действий власти, недооценку превращения трайбализма в самостоятельный, неуправляемый фактор властных отношений, социального взаимодействия, экономических отношений в регионах.

Прежняя недооценка, сменившая ее практика «управляемого трайбализма» не адекватны характеру и масштабам угроз роста трайбализма. Все выявленные угрозы роста трайбализма сохраняются. В контексте потенциальных конфликтов актуализируют риски.

Трансформация трайбализма в самостоятельный фактор политической и экономической жизни западных и южных регионов ограничивает поле маневров центральной власти, акимов областей в реализации задаваемой Центром социально-экономической политики, кадровой политики. Согласно *версии* ряда исследователей, примером системного «сбоя» являются обусловленный укоренившейся многолетней практикой кадровой политики на трайбалистских основаниях кризис системы здравоохранения и рост социальной напряженности в ЮКО, массовые беспорядки, акции протеста в

связи с назначением акимов г. Актау и Атырауской области в августе и сентябре 2006 г.

На фоне сохраняющихся значительных масштабах бедности и наиболее высоком уровне поляризации населения в Атырауской и Мангистауской областях, являющихся основными донорами республиканского бюджета, возрастают центробежные установки в общественном мнении населения регионов, включая местные элиты.

4.3. Рекомендации (Меры по минимизации конфликтного потенциала)

С целью нейтрализации трайбализма, как казахской внутриэтнической дифференциации на родовых (казахских родовых) основаниях необходимо:

Меры точечного характера.

- на первом этапе при явных трайбалистски обусловленных «сбоях» (по примеру назначения директора департамента здравоохранения В. Дудника в ЮКО), либо при целенаправленном выявлении, актуализации не проявленных «сбоев», переход к *специальным временным мерам* – символическим назначениям компетентных специалистов региона неказахского происхождения, в жизнеобеспечивающие, и тем самым демпфирующие трайбалистский фактор (квалификация врача, работника образования, следователя важнее родовой принадлежности для каждого в отдельности представителя казахского населения регионов) госструктуры – здравоохранение, образование, ОВД, ЧС.

- на втором этапе переход к ротации, рекрутированию всей региональной системы власти (в т.ч. акимы, экономический блок властных структур) на профессиональных, политических принципах.

Меры системного характера.

- усиление роли общенациональных партий в регионах, постепенная смена выдвинутых родовыми кланов, группами, и продвигающими их интересы потенциальных кандидатов в депутаты от политических партий, переход к мажоритарно-пропорциональной системе 50/50 при выборах в маслихаты.

РАЗДЕЛ 5. НЕУПРАВЛЯЕМАЯ ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ

Из нескольких десятков известных определений миграции (лат. *migration* – переселяться), одним из распространенных является определение Л. Л. Рыбаковского, согласно которому миграция – «любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности»³¹.

Соответственно миграция подразделяется на внешнюю (эмиграция и иммиграция) и внутреннюю, постоянную и временную миграцию.

Внутренняя миграция – перемещение людей в пределах территории государства с целью постоянного или временного изменения места жительства. Внутренняя миграция может быть добровольной и вынужденной.

С точки зрения влияния миграции на конфликтный потенциал ключевым является социологическое понимание миграции, как «изменения социальной структуры и статусных характеристик разных слоев и групп населения государства или региона под влиянием социальных перемещений населения или его части»³².

Неуправляемым видом миграции является внутренняя миграция, значительные масштабы которой, при снижении конфликтного потенциала в районах исхода, повышают его в принимающих городских сообществах. Возрастание конфликтного потенциала миграции проявлено в городах, принимающих потоки сельских мигрантов, на объектах крупных иностранных предприятий, привлекающих трудовых мигрантов из других регионов Казахстана.

Фактор конфликтного потенциала неуправляемой внутренней миграции – проявление статусных и ценностных противоречий между: а) внутренними мигрантами в городах и властью, обусловленное отсутствием формального и реального статуса горожан (регистрация) у внутренних мигрантов, узаконения жилищ внутренних мигрантов, б) внутренними мигрантами, сохраняющими прежние, сельские стереотипы поведения, образ жизни, ценности и «коренным» городским населением.

5.1. Критерии фактора неуправляемой внутренней миграции

Время, история появления фактора. Неуправляемая внутренняя миграция (миграционные потоки «село – город») возрастает на рубеже 1980-х – 1990-х гг., сопровождаясь стихийным строительством поселков внутренних мигрантов в пригородах («Шанырак» и др.).

³¹ См.: Юдина Т.Н. Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2006. – С.35.

³² Юдина Т.Н. Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2006. – С.209.

Значимым фактором конфликтного потенциала неуправляемая внутренняя миграция становится позже, в 2001-2006 гг., с экономическим ростом, строительным «бумом» и актуализацией земельного вопроса в городах.

Охват, «ареал» социальных страт. Противоречия неуправляемой внутренней миграции затрагивают интересы значительной части незарегистрированных внутренних мигрантов в городах.

В постсоветский период в Казахстане отмечены беспрецедентные по сравнению со многими другими странами СНГ масштабы внешней и внутренней миграции. Даже по официальным данным, основанным на показателях численности регистрируемых внутренних мигрантов, в межобластной и внутриобластной миграции с 1991-2002 гг. участвовало около трех миллионов населения республики. Из-за тяжелого положения в аграрном секторе и недостаточного социально-экономического развития села основными участниками внутренней миграции стали сельские жители.

Общая численность сельских мигрантов в городах составляет около 1/3 горожан. Значительную часть внутренних мигрантов в крупных городах Казахстана составляют этнические репатрианты-казахи – оралманы (см.: Приложение 2)..

Характер установок населения применительно к воздействию фактора. Имевшие широкий резонанс конфликты лета 2006 года в поселках Бакай и Шанырак, мигрантских поселках Астаны, постоянное, все возрастающее внимание СМИ к проблемам миграции, мигрантским конфликтам в других странах (Франции – беспорядки в пригородах, Кыргызстана – захват земельных участков в Бишкеке, России – конфликт в Кондопоге) актуализировали миграционный фактор конфликтов в общественном сознании.

Воздействие фактора неуправляемой внутренней миграции на рост конфликтного потенциала оценивается населением как актуальное – одно из наиболее значимых.

Интенсивность воздействия фактора. Очевидная нерешаемость копившихся многие годы проблем неуправляемой внутренней миграции («село – город»), существенно ухудшает характер отношений между властью и населением, оказывает дестабилизирующее влияние на ОПС.

Устойчивость фактора. С 2001 г. фактор конфликтного потенциала нерегулируемой внутренней миграции приобретает постоянный характер. В связи с неизбежным дальнейшим ростом миграционных потоков «село – город» значение миграционного фактора будет сохраняться и возрастать.

География воздействия фактора. Фактор конфликтного потенциала нерегулируемой внутренней миграции проявлен в Алматы, Астане, городах Западного Казахстана, привлекающих внутренних мигрантов.

Генезис и уровень субъективации. В среднесрочной перспективе масштабная миграция из села в город неизбежна. Нынешнее соотношение городского и сельского населения 56% и 44%, вероятно будет меняться до 20%

сельского населения (нынешний показатель РФ, «стандартный» для многих среднеразвитых и развивающихся стран).

Степень субъективации на всех этапах возникновения и последующей актуализации фактора неуправляемой внутренней миграции (в начале 1990-х гг. и в последующие годы) значительна.

Учитывая в целом объективный характер генезиса неуправляемой внутренней миграции наряду со значительной степенью их субъективации, а также значение ряда критериев (оценка населением, воздействие на характер отношений между властью и населением, воздействие на ОПС) миграционного фактора в последнее десятилетие, **в ряду других выделяемых факторов конфликтного потенциала, фактор конфликтного потенциала неуправляемой внутренней миграции актуален.**

5.2. Выводы

Неуправляемая внутренняя миграция – один из наиболее значимых, в ряду 10-ти выделяемых факторов конфликтного потенциала в РК. Масштабность угроз общественной безопасности, как следствия неуправляемой внутренней миграцией обусловлена:

- длительностью и устойчивостью воздействия фактора, обозначившегося еще в конце 1980-х и постоянно возраставшего все последующие годы;

- масштабами охвата социального и географического пространства (социальное пространство: внутренние мигранты, составляющие до 1/3 жителей городов³³, большая часть городского населения в целом, контактирующее с мигрантами; географическое пространство – Алматы, Астана, Атырау, другие крупные города, как центры притяжения сельских мигрантов);

- ростом конфликтного потенциала в среде внутренних мигрантов в городах, социальной напряженности среди населения крупных городов;

- негативным воздействием на имидж власти в общественном мнении, негативным влиянием на социально-политическую ситуацию, возрастание социальной напряженности в городах;

- радикальным характером «мигрантских» конфликтов, протекающих, в связи с особой значимостью предмета конфликта (жилье, статус) для одной из противодействующих сторон – мигрантов, в форме прямых столкновений с подразделениями полиции и часто сопровождаемых, вследствие «побочного» эффекта выраженной поляризации населения в крупных городах, массовыми беспорядками, дестабилизирующими ситуацию в городе, либо в общенациональном масштабе.

³³ Удельный вес мигрантов определяется в ходе переписей населения, опросные листы которой включают показатель времени проживания в населенном пункте. Перепись населения РК 1999 г. зафиксировала соотношение «коренных» (проживающих в населенном пункте с рождения) и мигрантов: по РК – 77,1% и 22,9%, по Алматы – 48,2% и 51,8%, по Астане – 43,3% и 56,7%. Источник: Миграция населения РК. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Стат.сб. – Алматы, 2000. – С.78.

Мигрантские конфликты, связанные с выдворением внутренних мигрантов из стихийно возведенных поселков, в отличие от производственных конфликтов, развертываемых и разрешаемых на основе трудового законодательства, как правило, трудноразрешимы исключительно в правовом поле (судебном порядке). В связи с чем, как подтверждает практика урегулирования (частичного разрешения) конфликта в микрорайоне «Шанырак», требует принятия политических решений (приостановление Генеральным прокурором исполнения всех судебных актов о сносе домостроений, разрешение подавать заявления о легализации имущества в соответствии с законом РК «Об амнистии в связи с легализацией имущества» от 05.07.2006 г.).

Этнический и социальный состав внутренних мигрантов, представленных в подавляющем большинстве одной этнической группой – казахами (как прибывшими из сельских местностей страны, так и репатриантами, этническими казахами из других стран), по социально-экономическим параметрам – преимущественно «низшие» страты, обуславливает вероятность трансформации локального мигрантского конфликта, как «запускающего механизма», в масштабный социальный, либо межэтнический конфликт.

В связи с общепринятым базовым принципом свободы передвижения граждан, в отличие от внешней (иммиграция и эмиграция), внутренняя миграция в РК, как и в других государствах, не подлежит прямому регулированию. Возможно лишь косвенное регулирование миграционных потоков внутри страны в рамках общей стратегии развития регионов, территорий – с одной стороны, целенаправленной политики развития непосредственно отдельных городов – с другой.

Действия органов управления в сфере регулирования внутренней миграции определяются как недостаточные. С образованием новой государственности, до 1997 г. отсутствовала законодательная, правовая база сферы внутренней миграции в виду отсутствия правовой категории «внутренний мигрант».

Принятый в 1992 году Закон РК «Об иммиграции» регулировал исключительно лишь один вид внешней миграции – иммиграцию. Внутренняя миграция отражена лишь в одной статье закона, декларирующей принципы свободы передвижения: «Граждане Республики Казахстан имеют право на смену места жительства внутри республики, на переселение в другую страну и возвращение обратно»³⁴.

Действующий Закон РК «О миграции населения» от 13 декабря 1997 г. включает лишь краткую дефиницию «внутренний мигрант»³⁵.

«Отраслевая Программа миграционной политики РК на 2001-2010 гг.» декларирует в качестве одной из задач «регулирование внутренних миграционных процессов с целью обеспечения экономического развития

³⁴ Закон РК «Об иммиграции», 1992. Ст. 1. Право граждан на миграцию.

³⁵ Закон РК от 13 декабря 1997 г. «О миграции населения». Ст. 1 Основные понятия.

страны», разработку мероприятий по «снижению сельско-городского внутриреспубликанского миграционного оттока путем проработки и осуществления специальных мер по содействию занятости сельского населения, устранению диспропорций в оплате труда и укреплению социальной инфраструктуры села»³⁶.

«План мероприятий по реализации отраслевой программы миграционной политики РК на 2001-2010 гг.» из 18 пунктов включает одно мероприятие по внутренней миграции – проведение социологического исследования внутренней миграции с последующим отчетом правительству РК.

«Государственная программа развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004-2010 годы» имеет иную, не связанную с сельскими мигрантами в городах целевую направленность: «Цель – создание нормальных условий жизнеобеспечения аула (села) на основе оптимизации сельского расселения».

Госпрограмма имеет иные цели, не связанные с социальными проблемами городов, ставит задачи решения вопросов регулирования, оптимизации миграционных потоков «село – село», организованного отселения жителей из сельских населенных пунктов (СНП) «со слабым потенциалом развития» в перспективные СНП с «высоким потенциалом развития».

Правомерен тезис «Госпрограммы развития сельских территорий» (2003 г.), характеризующий отсутствие правовой базы регулирования внутренней миграции: «Общественные отношения в области миграции в настоящее время регулируются Законом Республики Казахстан «О миграции населения», в соответствии с которым недопустимо принуждение граждан в вопросах выбора места жительства. Вместе с тем в законе не урегулированы вопросы внутренней миграции»³⁷.

«Государственная программа развития города Алматы на 2003-2010 годы» (принята 10.02.2003), также не содержит специальный блок по проблеме масштабных потоков внутренней миграции, в основном из сел разных регионов страны, в крупнейший мегаполис.

Проблемы мигрантских поселков, в частности Шанырака, рассматриваются лишь в контексте развития слабой инфраструктуры северо-западной части города: «Северо-западная часть города, где существующие поселки и вновь осваиваемые территории (Шанырак 1, 2, 3, 4, 5...) разбросаны и не связаны между собой, органично войдет в общепланировочную структуру города при строительстве объездной дороги, магистрали вдоль Большого алматинского канала и «пробивке» ряда улиц»³⁸.

³⁶ Отраслевая Программа миграционной политики РК на 2001-2010 гг. – САПП РК, 2001, №36-37, ст. 480.

³⁷ Государственная программа развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004-2010 годы. – САПП Республики Казахстан, 2003 г., N 28, ст.264

³⁸ Государственная программа развития города Алматы на 2003-2010 годы. – САПП Республики Казахстан, 2003 г., N 6, ст. 61

По экспертным оценкам, включая оценку сотрудников МВД, население города Алматы значительно превышает показатели официально зарегистрированных граждан и иностранцев (на январь 2006 г. – 1 млн. 324,7 тыс. человек) и составляет 2 млн. человек. Численность внутренних мигрантов, как зарегистрированных, так и незарегистрированных составляет порядка 700 тыс. человек.

Лишь спустя 13 лет с начала формирования миграционной политики РК, как независимого государства, в мае 2004 г. были разработаны правовые нормы внутренней миграции в форме поправок в миграционное законодательство – закон РК «О миграции населения»³⁹.

Изменения и дополнения в закон РК «О миграции» предполагают введение ежегодных квот переселения внутренних мигрантов, определяющих предельную численность лиц, подлежащих переселению из населенных пунктов с особо неблагоприятными экологическими условиями проживания и с низким потенциалом развития в экономически перспективные регионы Казахстана в целях постоянного проживания.

Ограниченность квот для крупных городов, по аналогии с распределением ежегодных квот по оралманам, заранее прогнозируема. Как и прежде, подавляющее большинство внутренних мигрантов из сельской местности в крупные города будут составлять лица, добровольно переселяющиеся в города вне квоты (именно наличие квоты и является преобладающим признаком категории «переселенцы» в отличие от более общей категории «внутренние мигранты»).

Внутренние мигранты в Алматы, Астане, ряде других городов Казахстана – один из важнейших факторов развития городов. В условиях отсутствия какой-либо системной, целенаправленной миграционной политики городских властей, решения вопросов правового статуса самих мигрантов и самовольно возведенных ими жилых строений, социального обустройства мигрантских поселков, масштабная внутренняя миграция из сел в города остается одним из наиболее значимых факторов роста конфликтного потенциала.

Недостаточность действий органов управления по минимизации действия миграционного фактора на конфликтный потенциал характеризует следующее:

- на уровне правительства, уполномоченного органа (Агентство РК по миграции и демографии, с 2004 г. – Комитет по миграции МТСЗН) не выработана позиция государства по отношению к стихийной внутренней миграции ее воздействию на развитие страны, регионов, городов;

- в «Концепции миграционной политики РК» от 05.09.2000 г., «Отраслевой Программе миграционной политики РК на 2001-2010 гг.», «Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007-2015 гг.» от 28.07.2007 г., «Государственной программе развития города Алматы на

³⁹ Проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О миграции населения» (май 2004 г.) // <http://www.parlam.kz/download/migr.doc>

2003-2010 гг.» не обозначены цели, основные направления, механизмы регулирования внутренней миграции;

- программы развития городов не содержат мер по регулированию, упорядочиванию миграционных потоков «село – город»;

- как на центральном (правительство, министерства), так и на местном (городские акиматы) уровнях не согласована миграционная и экономическая политика (программы развития городов и программа миграционной политики никак не согласованы; в программах развития городов игнорируется миграционный фактор; программа миграционной политики не предусматривает упорядочивание миграционных потоков в город путем образования агломераций, создания рабочих мест в условиях прогнозируемого дальнейшего роста миграции «село – город» в среднесрочной и долгосрочной перспективе);

- с начала 1990-х гг. не отлажен механизм взаимодействия акиматов крупных городов и акиматов прилегающих районов по вопросам несанкционированного строительства в пограничных с городами сельских территориях, формирования мигрантских поселков, включаемых позднее в ведение городских акиматов.

Прогнозируемое сохранение масштабов внутренней миграции «село – город», как объективного и закономерного процесса урбанизации, при очевидной недостаточности и неэффективности действий органов управления, обуславливает высокую степень рисков:

Игнорирование в программах развития города масштабных потоков нерегистрируемых внутренних мигрантов ведет к нагрузке на транспортную, образовательную, социальную инфраструктуру, параметры которых рассчитаны на значительно меньшую численность населения (без учета нерегистрируемых внутренних мигрантов, составляющих в городах от 1/10 – до 1/3 взрослого населения), что ведет к росту социальной напряженности, конфликтного потенциала в связи дефицитом социальных, образовательных и иных ресурсов (услуг).

Несо согласованность действий городских и прилегающих к городам районных властей при образовании мигрантских поселков в приграничных сельско-городских территориях и последующим включением их в ведение городских акиматов, порождает конфликты мигрантов с городскими властями по вопросам статуса мигрантов и их домохозяйств.

Системное развитие экономики, транспортной, инженерной, социальной инфраструктуры пригородных зон городов Алматы и Астаны требуют координации взаимодействия органов управления двух крупнейших городов страны с органами управления сопредельных (приграничных) областей – Алматинской и Акмолинской.

5.3. Рекомендации (Меры по минимизации конфликтного потенциала)

Меры точечного характера.

Снижения конфликтного потенциала неуправляемой внутренней миграции способствуют.

Меры точечного характера.

- внедрение практики временной регистрации внутренних мигрантов наряду с адресами по месту аренды или работы – учетной (информационной) временной регистрации в районных органах регистрации Министерства юстиции;

- проведение очередной акции – амнистии и последующей легализации жилья в «проблемных» городских мигрантских посёлках; в зонах пролегания газопроводов отселение с предоставлением земельных участков под строительство ИЖС в приграничных (город/сельский район) зонах, выплатой компенсации за стройматериалы;

Меры системного характера.

- разработка новой Генеральной схемы развития и размещения производительных сил РК;

- с учетом фундаментального права и принципа свободы передвижения, разработка и принятие нового закона РК «О миграции населения», включающего правое определение категории «внутренний мигрант» и основные нормы регулирования внутренней миграции;

- обязательное согласование программ развития: города Алматы и Алматинской области, города Астаны и Акмолинской области, областных центров и областей; объединение отраслевой программы миграционной политики и программ развития на общенациональном и региональном (областном, городском) уровнях;

- разработка Концепции формирования Алматинской агломерации в пригородной зоне г.Алматы с включением в орбиту Алматинской агломерации Капчагая, Каскелена, Иссыка, Талгара, ста окрестных поселков, строительством городов-спутников вдоль Капшагайской трассы.

РАЗДЕЛ 6. УРОВЕНЬ КОНФЛИКТНОСТИ В РЕГИОНАХ

6.1. Индикаторы конфликтности, коэффициент конфликтности

Одним из показателей уровня конфликтности являются акции протеста, отражающие проявленные конфликты в регионах страны. Наиболее масштабной акцией протеста за последние 18 лет стал, обусловленный невыплатами зарплат, пенсий, ростом тарифов на коммунальные услуги, митинг 30 мая 1997 г. на Старой площади в Алматы (приняли участие до 10 тыс. человек).

По данным МВД за 5 лет, с 2001 по 2005 годы, - в организованных общественными объединениями акциях протеста приняли участие 1 млн. 92,5 тыс. человек.

Таблица 1. Показатели проявленных конфликтов за 2001-2005 гг.*

		Взрослое население 2005 г. (тыс.чел.)	Число акций за 2001-2005 гг.	Участвовало в акциях чел. за 2001-2005 гг.	Протестное население (среднем в год)	
					Протестное нас.(чел.)	Протестное нас.(%)
14	Акмолинская	494,9	133	28 547	5 709	1,2%
11	Актюбинская	430,0	307	42 999	8 600	2,0%
16	Алматинская	1 004,8	552	18 572	3 714	0,4%
7	Атырауская	276,1	50	34 173	6 835	2,5%
5	ВКО	1 004,7	128	136 971	27 394	2,7%
3	Жамбылская	601,8	36	98 858	19 772	3,3%
13	ЗКО	399,2	200	26 950	5 390	1,4%
6	Карагандинская	916,7	285	119 518	23 904	2,6%
10	Костанайская	631,2	176	66 368	13 274	2,1%
4	Кызылординская	347,6	105	65 001	13 000	3,7%
1	Мангистауская	213,0	283	45 584	9 117	4,3%
15	Павлодарская	517,0	180	19 167	3 833	0,7%
9	СКО	462,7	388	49 730	9 946	2,1%
12	ЮКО	1 214,1	125	108 274	21 655	1,8%
8	г. Астана	397,7	125	43 831	8 766	2,2%
2	г. Алматы	878,0	1 556	188 011	37 602	4,3%
	РК	9 789,5	4 629	1 092 554	218 511	2,2%

* Рассчитано по данным МВД, Агентства РК по статистике.

В 2001-2005 гг. наибольший удельный вес протестного населения, принявшего участие в акциях протеста, зафиксирован в Мангистауской обл. (4,3%), г.Алматы (4,3%), Жамбылской обл. (3,3% от всего взрослого населения).

Все регионы Казахстана ранжируются по показателям интенсивности (число акций протеста), масштабности (средняя численность участников в одной акции протеста), удельного веса протестного населения к населению региона, характера (степень участия ОВД).

Фиксированный уровень конфликтности (коэффициент конфликтности) – результирующее суммы показателей к числу регионов.

$$K = \frac{P_i + P_m + P_u}{16};$$

K – коэффициент конфликтности, **P_i** – показатель интенсивности (количество акций), **P_m** – показатель масштабности, **P_u** – показатель угроз (участие ОВД, соотношение численности участников к численности привлекаемых сил ОВД): 1 – наибольшее и 16 – наименьшее соотношение).

Таблица 2. Коэффициент конфликтности в регионах РК: 2001-2005 гг.*

		Показатель интенсивнос- ти акций	Показатель масштабност и акций	Протестное население (%)	Учас- тие ОВД	Сумма показа- телей	Коэффиц. конфликт- ности
16	Акмолинская	9	9	14	7	39	2,44
7	Актюбинская	4	11	11	6	32	2,00
9	Алматинская	2	16	16	1	35	2,19
14	Атырауская	12	4	7	16	39	2,44
4	ВКО	9	2	5	13	29	1,81
6	Жамбылская	13	1	3	14	31	1,94
13	ЗКО	7	12	13	4	36	2,25
2	Карагандинская	5	6	6	10	27	1,69
12	Костанайская	8	7	10	11	36	2,25
11	Кызылординская	12	5	4	15	36	2,25
3	Мангистауская	6	10	1	12	29	1,81
15	Павлодарская	7	15	15	2	39	2,44
5	СКО	3	13	9	5	30	1,88
8	ЮКО	10	3	12	9	34	2,13
10	г. Астана	11	8	8	8	35	2,19
1	г. Алматы	1	14	2	3	20	1,25

* Рассчитано по данным МВД, Агентства РК по статистике.

6.2. Очаги потенциальных конфликтов.

Очагами проявленных конфликтов являются г.Алматы (1,25), Карагандинская (1,69), Мангистауская (1,81) области.

«Благополучное» значение коэффициента конфликтности по Атырауской области (2,44), вытекает из слабой оценки угроз, связанных с конфликтами в этом регионе: показатель участия, и соответственно оценки ОВД угроз **P_u** – 16, замыкающий 16 регионов РК. В акциях протеста в Атырауской области в 2001-2005 гг. участвовали 34 173 человека. При этом, привлекались лишь 251 полицейский.

Высокое значение коэффициента конфликтности связано с наибольшей в стране урбанизацией, противоречиями между работниками и работодателями на предприятиях карагандинского и жезказганского центров, конфликтами, связанными с тарифами. Тем не менее, эти конфликты, будучи конфликтами прямого действия, не столь опасны в плане развертывания масштабного социального взрыва, поскольку трудовые конфликты формализованы и имеют отлаженные, правовые механизмы разрешения.

Очагами потенциальных социальных конфликтов являются г.Алматы, Мангистауская, Атырауская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская области.

Наибольшую угрозу несут комплексные (по факторам поляризации, миграции, трайбализма, этнического фактора) потенциальные конфликты в Мангистауской, Атырауской области и г.Алматы.

РАЗДЕЛ 7. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

7.1. Методология и методика исследования актуальных для Казахстана конфликтов

Этнический и миграционный факторы играют исключительную роль в развитии современного Казахстана.

Казахстан, одно из 3-х, наряду с Россией и Индией стран, с наибольшим этническим многообразием населения в Старом Свете. Развитие Казахстана в исторический период, включая конец XIX-го, весь XX-й и начало XXI-го веков, сопровождалось масштабными внешними и внутренними миграциями. Согласно отчету Всемирного банка в 2006 году Казахстан являлся 9-й страной в мире по приему мигрантов.

Предлагаемая методология прикладных исследований актуальных социальных конфликтов разработана совместно аналитиками **Сабитом Жусуповым, Нуртаем Мустафаевым, Андреем Ханом** в декабре 2006 года. Описание методологии – Н.Мустафаева.

Новые отношения в казахстанском обществе складывались и складываются через ряд конфликтов, на основных уровнях социальной организации:

- на цивилизационном уровне (конфликты, связанные с ломкой прежней и утверждением новой системы ценностей);
- на социальном уровне (конфликты между прежними способами организации общественной жизни и нацеленностью на создание новой системы общественных отношений);
- на уровне структурных изменений (конфликты между старыми и вновь складывающимися социальными слоями и группами);
- на институциональном уровне (конфликты, связанные с конкурентоспособностью предприятий, перестройкой организационных отношений и финансовых связей);
- на уровне повседневной жизни (конфликты, связанные с новыми возможностями социального самоутверждения, сложными процессами адаптации населения к ценностям, нормам, требованиям рыночных отношений).

Классификация социальных конфликтов осуществляется по различным основаниям: по субъектам, по сферам, по участникам, по степени остроты и масштабности. Для прикладного характера исследования больше значения в выделении факторов, которые создают конфликтное поле, где противоречия могут войти в стадию реальных конфликтов.

На основе экспертных оценок, использованной литературы в качестве наиболее распространенных, значимых и типичных для Казахстана и всего постсоветского пространства выделены следующие факторы:

1. Внутриэлитные противоречия (2001-2002, 2003-2007 гг.).
2. Межэтнические противоречия.

3. Рост влияния «3-ей силы» (криминалитет).
4. Усиление противоречий «Центр – Периферия».
5. Противоречия между работниками и работодателями (Шахтинск, Западный Казахстан).
6. Рост влияния политического ислама.
7. Неуправляемая внутренняя миграция (миграционные потоки «село – город»; Бакай, Шанырак).
8. Поляризация общества.
9. Рост трайбализма.
10. Рост тарифов (тарифы и монополизация).
11. Фактор коррупции.

Выделение списка наиболее актуальных конфликтных факторов предполагает их дальнейшую критериальную оценку. Факторы целесообразно разделить на три основные группы: **базисные** (идентификационные факторы), **возмущающие, запускающие факторы**.

Базисные факторы (БФ) – это факторы, в основе которых лежит идентификационный признак. Учитывая, что идентификация с той или иной социальной группой (населением страны, конкретным этносом) является определяющей в осознании своих интересов (статуса, ценностей), именно они могут стать интеграторами конфликтного потенциала.

Базисные – идентификационные факторы (основания идентификации).

Родо-племенная	→	Трайбализм
Этническая	→	Межэтническая разобщенность
Поселенческая статусная	→	Центр-периферия
Имущественная	→	Поляризация общества по уровню доходов

К группе **возмущающих факторов**, т.е. факторов оказывающих дестабилизирующее воздействие на ход общественных процессов следует отнести:

- ✓ Процесс неуправляемой миграции (село-город),
- ✓ Рост тарифов на коммунальные услуги,
- ✓ Трудовые конфликты,
- ✓ Коррупцию,
- ✓ Влияние политического ислама.

К группе **запускающих субъектного толка факторов** относятся:

- ✓ Внутриэлитные противоречия, в том числе и между правящей элитой и контрэлитой,
- ✓ Влияние внешней силы (внешние игроки),
- ✓ Влияние «третьей» силы (криминальные силы + представители бизнеса + представители религиозных кругов),
- ✓ Движение протестного толка.

Определяющими среди трех групп факторов являются идентификационные:

В ситуации, когда идентификационные структуры сильно деформированы, отмечается следующая закономерность:

- ✓ существенно снижается порог значимости возмущающих факторов,
- ✓ возрастает уровень запускающих факторов, их адресность среди идентификационных групп.

Тем самым, как диагностика, так и вопрос о формировании должной идентификационной матрицы являются определяющими для предупреждения социальных конфликтов.

7.2. Критерии оценки факторов конфликтного потенциала

1. Период (время, история появления ФКП)

- ✓ 1991-1995гг
- ✓ 1996 – 2000гг
- ✓ 2001 – 2007гг.

2. Охват (ареал) проявленности ФКП среди социальных страт.

3. Характер установок населения применительно к воздействию ФПК:

- ✓ Малозначимый;
- ✓ Значимый;
- ✓ Актуальный.

4. Интенсивность воздействия ФКП на:

- *характер отношений между властью и населением*

- ✓ Существенное ухудшение;
- ✓ Ухудшение;
- ✓ Сохранение статус-кво.

- *влияние на характер общественно-политической ситуации*

- ✓ Дестабилизирующий;
- ✓ Рост социальной напряженности;
- ✓ Статус-кво

5. Устойчивость ФКП

- ✓ Эпизодическое воздействие;
- ✓ Периодическое присутствие;
- ✓ Постоянное присутствие.

6. География воздействия ФКП

- ✓ Область;
- ✓ Регион;
- ✓ Страна.

7. Генезис ФКП (объективный и субъективный характер)

- ✓ Субъективного характера – ошибки управления; прямой умысел;
- ✓ Сочетание субъективного и объективного характера;
- ✓ Объективного характера

Оценка рисков по каждому фактору определяется как соотношение масштабности угроз по каждому фактору и оценки (достаточные/недостаточные, эффективные/неэффективные) действий органов управления.

Взаимодействие факторов

Базисные факторы начинают работать тогда, когда возмущающие приводят общественные отношения в состояние дисбаланса; разбалансированная ситуация актуализирует защиту интересов различными социальными группами. Наличие высокого уровня возмущающих факторов свидетельствует о неэффективности (слабости) государства и власти. На основе факторного анализа обосновывается тезис: при наличии контроля органов управления над ВФ базисные факторы находятся в состоянии относительного покоя, вместе с тем, вероятен рост значимости запускающих факторов.

Разработанная типология факторов конфликтного потенциала представляется наиболее целесообразной, так как позволяет определить алгоритм действий органов управления (точные меры, меры системного характера), дает возможность к описанию типовых сценариев развития социальных конфликтов в РК.

7.3. Оценка угроз и рисков

Прикладные задачи и казахстанская специфика социально-политических отношений наряду с имеющимися посферным, субъектным и другими подходами к конфликтам, обусловили разработку классификации факторов потенциальных социальных конфликтов. Выделены три группы факторов: *базисные* (идентификационные), *возмущающие*, *запускающие*.

Базисные факторы (БФ) – факторы, в основе которых лежит идентификационный признак: этнический, трайбалистский, поселенческий, имущественный. К группе **возмущающих факторов**, т.е. факторов оказывающих дестабилизирующее воздействие на ход общественных процессов отнесены уровень жизни, процессы неуправляемой миграции (село-город), рост тарифов на коммунальные услуги, трудовые конфликты, коррупция, влияние политического ислама. Группу **«запускающих» субъектного толка факторов** составляют: внутриэлитные противоречия, в том числе и между правящей элитой и контрэлитой, влияние внешней силы (внешние игроки), влияние «третьей» силы (криминальные силы + представители бизнеса + представители религиозных кругов), движения протестного толка.

При оценке факторов конфликтного потенциала (ФКП) применялся следующий ряд характеристик:

- ✓ Период (время, история появления ФПК),
- ✓ Охват «ареал» социальных страт,
- ✓ Характер установок населения применительно к воздействию ФКП,

- ✓ Интенсивность воздействия ФКП на характер отношений между властью и населением и влияние на характер общественно-политической ситуации,
- ✓ Устойчивость ФКП,
- ✓ География воздействия ФКП,
- ✓ Генезис ФКП (объективный и субъективный характер).

Анализ критериального ряда факторов позволил выявить масштабность угроз от каждого фактора (Ф).

Оценка рисков по каждому фактору определялась как соотношение масштабности угроз по каждому фактору и оценки (достаточные/недостаточные, эффективные/неэффективные) действий органов управления:

$$P = \Phi - \text{ДОУ}$$

(*P* – риски, *Φ* – фактор, масштабность угроз, ДОУ – действия органов управления).

Данная типология, методика являются основой для комплексного методологического и прикладного исследования.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ МИФАХ

Данное исследование – сугубо аналитического характера. В нем представлены методика, методология исследования, факторный анализ.

Политическая аналитика, включая, в том числе и анализ сферы межэтнических взаимодействий, сугубо функциональна, прагматична. Политическая аналитика в формате аналитических отчетов, докладов, будучи целевой, предназначенной органам управления, как подавляющее большинство прикладных исследований, лишена занимательности.

Публикации в открытой печати по вопросам межэтнических отношений всегда привлекают интерес читателей, нередко вызывают широкий резонанс в обществе. При этом, отмечено, что оценка, восприятие читательской аудиторией той или иной статьи о межэтнических отношениях в определенной степени обусловлена не только содержательной стороной публикации, но и ... национальностью автора!

Значительная часть читателей полагает, что этническая принадлежность автора в той или иной степени влияет на объективность анализа межэтнических отношений, предопределяет позицию автора. Этот феномен читательского восприятия публикаций по проблемам межэтнических отношений особенно нагляден в читательских комментариях к статьям в интернет-изданиях.

Можно ли минимизировать, нейтрализовать в целях «чистоты эксперимента», объективного, этнически не мотивированного восприятия аудиторией эффект этничности автора? Да, в известной степени можно.

Так, например, известный востоковед, редактор популярного журнала «Библиотека для чтения» Осип Сенковский (1800-1858), желая расширить поле маневра в изложении авторской позиции и исключить известную аберрацию восприятия читателями многих острых, неоднозначных тем, большинство своих статей публиковал под псевдонимом Барон Брамбеус.

С целью ограничить этническую мотивированность восприятия автор настоящего исследования в духе мистификаций Барона Брамбеуса опубликовал в свое время на страницах популярного интернет издания серию статей под этнически нейтральным (Назар Назаров) псевдонимом⁴⁰.

Будучи узкоцелевой, политическая аналитика ограничена в плане обратной связи «эксперт – общество». Жанр публицистики позволяет дополнить специализированное взаимодействие экспертного сообщества и ведомств каналами прямой и обратной связи, которые предоставляют СМИ – интернет-издания, печатные издания, большинство из которых выпускаются и в электронной интернет-версии.

⁴⁰<http://www.zonakz.net/articles/7812;www.zonakz.net/articles/7963;www.zonakz.net/articles/8007>.

Этнические мифы и этнические стереотипы

В последнее десятилетие в Казахстане, как и во всех странах СНГ, налицо бурный процесс мифологизации истории, формирования и утверждения ложных этнических стереотипов в обществе. Мифы конструируются "ушибленными" национальным вопросом дилетантами, публицистами, безграмотной творческой интеллигенцией – артистами, ведущими TV, писателями (кем угодно, только не профессиональными историками, этнологами), легко воспринимаются большей частью доверчивого населения, используются в своих интересах правящими элитами, отдельными политиками.

Типичными образчиками нового мифотворчества являются статьи А. Мурзабулатова (интернет-газета «Навигатор», ноябрь 2004) и многих других авторов. Намеренно или нет (неизвестно, что хуже – первое или второе), они сами конструируют либо просто ретранслируют уже утвердившиеся ранее этнические мифы, ложные тезисы и стереотипы. Последние включают мифы о таких общностях, как расы, нации, этносы, языковые семьи, конфессии, конструируемые на ложных основаниях, о «великих» представителях своих этносов (писателях, полководцах) и т.д.

Вообще складывается интересная ситуация. До начала XX века у народов Центральной Азии и Кавказа не было профессиональной литературы и науки, издательств. Соответственно не было и профессиональных литераторов и ученых. Ни великих, ни посредственных. Исключение, подтверждающее правило, – востоковед Чокан Валиханов, труды которого издавались и при жизни, как в 60-е годы XIX века, так и ныне оцениваются специалистами как высокопрофессиональные. Профессиональная принадлежность Чокана Валиханова – военный, высокий чин в исполнительной власти (генерал-губернаторстве), разведчик (знаменитое путешествие в Кашгарию под прикрытием – хозяин каравана, «купец»).

Всё познаётся в сравнении. Все национальные литературы на территории СНГ, за исключением русской, локальны. «Великие» писатели украинцев, таджиков, узбеков, татар и других, действительно великие таджикские, узбекские, татарские писатели. Например, в Казахстане практически никто, включая гуманитариев, не знает ни одного таджикского, узбекского и т.д. писателя. И это не голословное утверждение. Кто сомневается, просто опросите всех своих знакомых. Что-то слышали об Алишере Навои. Но никто не читал. Ни строчки. Практически все казахстанцы путаются и не могут ответить даже на вопрос, в каком веке жил Алишер Навои (1441-1501).

Точно так же «хорошо» знают (совершенно не знают) казахских писателей в Таджикистане и Узбекистане. Незначительная часть граждан стран СНГ что-то слышали об Абае (но не читали), Мухтаре Ауэзове (читали преподаватели и особо радивые студенты филфаков кафедр тюркской литературы) и Олжасе Сулейменове (читали «АЗиЯ» специалисты по «Слову о полке Игореве»).

Абая не читали не только жители России, Таджикистана, Узбекистана и т.д., но и сами казахстанцы. Почти все, кого довелось спрашивать, страшно удивлялись: «Абай? Как же, как же. Это великий мыслитель, поэт. Глыба. Его все читали». На прямой вопрос: «Что ты конкретно читал? Назови!», все вдруг запинаясь и нехотя отвечали: конкретно он Абая пока еще не читал. Но скоро (вот буквально на следующей неделе, с понедельника) начнет читать. Читателям советую проверить, начав с себя и своих знакомых. Смеем заверить, что наследие Абая («Слова назидания», стихи, поэмы, ставшая народной песня на его стихи «Көзімнің қарасы») подобно изумрудным россыпям вошло в сокровищницу казахской и мировой культуры.

Еще лет 10-15 назад я и сам как-то задал себе вопрос: «Абай, кто он?». Пошел в Национальную библиотеку (Пушкинку), изучил все каталоги, заказал всю литературу. Об Абае (Ибрагиме Кунанбаеве) написаны десятки книг, диссертаций, сотни статей, объемистая энциклопедия «Абай».

Все отговорки о нехватке времени тех, кто не читал Абая, полностью несостоятельны. Наследие Абая, все издания и переиздания, включают одну книгу среднего формата. Читается за один вечер, поскольку стихи не занимают много места, на одной странице несколько строф. Наиболее полное издание поэта – Абай Кунанбаев «Собрание сочинений в одном томе: Стихотворения. Поэмы. Проза». Предисл. М. Ауэзова. – М.: Гослитиздат, 1954.

Заслуга введения в научный оборот, издания и знакомства читателей с творчеством основоположника казахской литературы Абая принадлежит Мухтару Ауэзову. Сам будущий основатель новой отрасли литературоведения – абаеведения – Мухтар Ауэзов родился 28 сентября 1897 года в ауле Абая и Кунанбая близ Чингисских гор (ныне Абайском районе Семипалатинской области/ВКО). В 1920-е годы Мухтар Ауэзов первым изучал и лично выявлял ранее неизвестные стихи, материалы об Абае, печатал его стихи, составил биографию. В 1940-50-е опубликовал роман-эпопею «Путь Абая». Подробно о Мухтаре Ауэзове см.: Ауэзова Л.М. Краткий очерк научной и творческой деятельности академика АН КазССР М.О.Ауэзова // Ауэзов М.О.: Биобиблиография ученых Казахстана. – Алма-Ата, 1984.

Таким образом, можно констатировать: казахская, узбекская, украинская и многие другие литературы узко локальны. Даже испанская литература локальна: все слышали лишь об одном испанском писателе Сервантесе, но никто его практически не читал. Однозначно мировой литературой является англо-американская – от Шекспира до Диккенса, О'Генри, Марка Твена, Стивенсона, Конан Дойла и сотен других авторов, хорошо известных всем с детства и юности, а также русская литература; отчасти – французская.

Мифические общности

А. Мурзабулатов и другие утверждают: главный атрибут нации – этническая культура. Абсолютно неверный тезис. Этническая культура – главный атрибут этноса. Нет двух этносов с абсолютно идентичной культурой.

Один из критиков казахских и русских национал-патриотов в статье в «Навигаторе» уже отмечал: «Нация – политическая общность». Это прописная истина. Нация в случае с нациями-иммигрантами (американцы, австралийцы, канадцы) может объединять разные этнические группы. Американская теория «плавильного котла» начала XX века потерпела в США фиаско. Сегодня в Новом Свете утвердился принцип мультикультурализма. Дилетантов вводит в заблуждение факт существования наций, например германской, включающей только один этнос. Когда говорят о том, что население Казахстана не является нацией-иммигрантом, имеют в виду то, что формирование наций в Старом Свете в полиэтнических обществах – более сложный и длительный процесс, не обязательно завершающийся успешно. Даже в Казахстане краеугольным камнем национальной политики является сохранение и развитие национальных культур всех этносов. Насколько успешно, другой вопрос.

В США, Канаде, Австралии, изначально формировавшихся как нации-иммигранты, национальная консолидация происходила и происходит бесппроблемно и быстро. Многие наши соотечественники недавно уехали в США и уже стали американцами. Сами нации-иммигранты Нового Света называются не по имени какого-либо этноса (французы, включая, например Тигану, Зидана и т.д. во Франции), а по имени страны – американцы (по имени мореплавателя и страны), канадцы и т.д.

С точки зрения интеграции в американскую нацию, в США не принципиально этническое и даже расовое происхождение. Политическая элита США, в том числе и этнический поляк Збигнев Бжезинский, чешка Мадлин Олбрайт, Кондолиза Райс. Выходец из Польши, уроженка Чехии, афроамериканка. И неважно, что прадед влиятельного политика супердержавы был привезен в свое время в трюме корабля.

Н. Назарбаев декларирует формирование казахстанской нации. Но говорить о формировании казахстанской нации можно лишь тогда, когда гражданская идентичность («я – казахстанец, гражданин Республики Казахстан») будет более важной, приоритетной, чем этническая принадлежность (казах, русский и т.д.) в политической жизни (*подчеркиваем – в политической жизни*). Если более наглядно, то тогда, когда граждане будут голосовать за кандидата в депутаты независимо от его этнического происхождения (сегодня этнический фактор выборов – ведущий не только на стадии голосования, но и на стадии выдвижения кандидатов). Причем, это лишь первое условие, предпосылка формирования нации.

А. Мурзабулатов (и многие другие) почему-то называют узбеков, уйгуров, киргизов «братскими казахам тюркскими народами Казахстана» («без меня меня женили»). Интересно, а у них он спрашивал? Когда представители титульного этноса в Казахстане говорят о братских тюркских народах, никто из представителей этих самых народов ничего не говорит.

Столь же смешно, когда русские в Казахстане или России говорят о братских славянских народах – украинцах, поляках и т.д. Или когда известнейшие татарские ученые говорят о том, что никакого башкирского

языка и народа нет. Советую таким «старшим братьям» (в нашем случае казахам РК, русским РФ, татарам РТ) сказать подобную нелепицу в Туркестанском и Сайрамском районах ЮКО, Уйгурском районе Алматинской области, населению Узбекистана (узбекским пограничникам, полицейским даже на нашей территории), населению СУАР, о «славянских братских народах», «украинцы и русские – это один народ» во Львове и Киеве, о «братьях-поляках» в четырежды поделенной за 2 века Польше (кем?!), о «Катынской трагедии» полякам в Польше, о «башкирах, которые на самом деле татары», – башкирам в Уфе.

Но это тема отдельного разговора, отдельной статьи.

Мифические этнополитические общности

Стереотипы, этнические в том числе, — некие упрощения. Как правило, всё же отражающие, хотя бы в самых общих чертах, некие реалии. Они были всегда и будут, хотим мы этого или нет. Другое дело — ложные стереотипы. Сознательно, по политическим мотивам, или ненамеренно, по незнанию (дилетанты) конструируемые и ретранслируемые в СМИ. Об этом предыдущая статья «Этнические мифы и этнические стереотипы». Вал «обманок» в сотни, тысячи статей самодельных политиков и дилетантов обуславливает актуальность анализа мистификаций.

Когда сталкиваешься с ложными этническими стереотипами в быту, то обычно просто разъясняешь знакомому или не знакомому человеку суть «абберации зрения». Или не разъясняешь. В зависимости от собственного настроения или степени «упёртости» (иногда безнадёжной) собеседника. Иное дело — вал «статей-обманок» политиканов и дилетантов в СМИ. Справедливости ради, следует отметить, что и дилетанты иногда выходят на высокий профессиональный уровень и даже оставляют яркий след в истории науки. В конце концов, всё определяет результат. Речь же о дилетантах по существу.

Если полемизируешь, то логично отвечать на страницах того же издания, где публиковались статьи оппонентов, имеющего высокой охват аудитории, что тоже немаловажно, с точки зрения эффективности критики. С одной стороны вал квазиисторических сочинений, с другой — одна, другая, пусть серия статей.

Автор статьи «Казахстанская национальная идея» и многие другие конструируют некие мифические, четырех уровней, общности в Казахстане. «Братские тюркские этносы» (казахи, узбеки, уйгуры, киргизы, турки), «исламские народы» (казахи, узбеки, уйгуры, киргизы, турки, таджики, дунгане и др.), славянские народы (русские, украинцы, поляки, болгары). Подоплека этой т.н. «классификации» — скрытая угроза автора славянским этносам («нас много!»). Вероятно, то же самое, осознанно или нет, предполагает и часть русских. Например, члены АРСКО (Ассоциация русских, славянских и казачьих объединений Казахстана). Вероятно, потому, что следуя логике, славянский «интеграционизм» на этнолингвистической основе заключен в самом названии АРСКО — «славянских», следовательно и украинских, и польских. Казахские и русские националисты — две стороны одной медали. При этом сразу поясню, что в понятие «националисты» не вкладывается негативный смысл. Подобная классификация переносится некоторыми казахскими, русскими, узбекскими, татарскими и другими авторами и на Россию, другие страны СНГ. В основе таких мифических языковых, этнических, религиозных общностей синдром «старшего брата», комплексы, противопоставления «мы — они», «свои — чужие», характерные для первобытного мышления и сохраняющиеся как некие архетипы, реликты, упрощенные бинарные оппозиции (подробнее см.: Клод Леви-Стросс «Структурная антропология», Зигмунд Фрейд «Тотем и табу», В.Я. Пропп, В. В. Иванов и др.). Сама

мифология не нуждается в защите. Многие сохраняющиеся мифические архетипы составляют стержень или «кирпичики», элементы большинства произведений древнего, средневекового, современного искусства, культуры в целом (мировое дерево, небо — подземный мир, тёмное — светлое, добро — зло). Но речь не об этом.

С точки зрения науки и просто здравого смысла многие ложные этнополитические оппозиции искусственны, не подтверждаются историей (даже наоборот) и реалиями. В том же ряду поиски и приватизация «великих предков», борьба за шумерское, арийское, гуннское, аланское, чингисхановское наследие. Всеми. «Энтузиастами-исследователями» казахами, русскими, украинцами, осетинами, кабардинцами, карачаевцами, татарами.

В предыдущей и настоящей статье отнюдь не призываю к космополитизму, отказу от своей национальной, этнической культуры. Это глупо. Но подчеркиваю. Своей, а не чужой, выдаваемой за свою! В экономике, спорте, везде, где есть честная конкуренция, результаты наглядны, грубы, зримы, подобные «номера» (мистификации) обычно не проходят. Если занимает Казахстан 79 место по уровню и качеству жизни (ИРЧП), то с этим не поспоришь. Если в Афинах чемпионом стал лишь 1 (один!) Б. Артаев (медалисты Мельниченко, Цурцумия, Мхитарян), то по неофициальному зачету всех стран, так и получается, согласно популярной песне: «Твой номер 245, но я спешу к тебе опять!». Но судя по откликам, не все поняли основной, предельно ясно вытекающий из предыдущей статьи посыл.

Резюме или выводы по сумме тезисов и доказательств означают: ложные этнополитические стереотипы — тезисы мой этнос самый древний, культурный, наша вода самая лучшая в мире, наши писатели самые великие, либо в одном ряду с широко известными в мире, мы многочисленны и объединяем под своей эгидой «младшие братские народы», нам противостоят другие лингвистические и этнические общности — легко опровергаются.

В тоже время, космополитизм большей части этноса, нации, включающей один или много этносов, непродуктивен, но для индивида или группы может быть эффективен. Патриотизм естественен. Национализм, основанный на фактах, имеет право на существование (в зависимости от конкретных условий и фаз развития). Национализм же дилетантский рождает «бардак в головах», дезориентируя людей, разрушает всякую этническую, национальную (общегражданскую) идентичность будь то в России, Казахстане, любом другом государстве, часто неэтичен. Вообще самообман в любых ситуациях, не только в исторических исследованиях, но и в быту, повседневной жизни, как правило, вреден. Прежде всего, для тех, кто занимается самообманом.

В случае с публикациями радикальных националистов дилетантов — ситуация «Слепой ведёт слепого!» Подчеркиваю, дилетантов, исходя из результатов (содержания) статей, т.е. не по формальным, а по фактическим основаниям. Если человек гордится великими учеными, полководцами, спортсменами своего этноса, нации, это нормально, важно для формирования и утверждения патриотизма. Возможно (не утверждаю), ничто так не

консолидирует в современных условиях казахстанское полиэтническое общество в нацию, как спорт. Не случайно, все Олимпийские комитеты национальные – НОК. Организации, представляющие нации – этнос, или этносы, объединенные в одном государстве. Вообще спорт и политика довольно тесно взаимосвязаны, литература лишь по теме «Футбол и политика» весьма обширна.

Летом 2000 года миллионы казахстанцев не спали ночами, наблюдая за Олимпиадой в Сиднее. День, второй, третий, неделя, вторая. Ни одной медали! Борцы, боксеры с треском вылетали из гонки за медалями. В сердца многих стал закрадываться холодок грядущего неизбежного краха. Днём, на работе, как-то постепенно стала складываться “не очень радостная” атмосфера. Никто ничего не говорил об играх. Как будто ничего не случилось, всё путём. Но все понимали: «Да, что-то случилось».

И вдруг! Когда в Алматы было 2 часа ночи (в Сиднее – день) казахстанка, русская девушка Ольга Шишигина первой пересекает финишную линию! Разрывает порочный круг неудач! Сотни тысяч алматинцев – казахов, русских, уйгуров, украинцев и других, без деления на этносы – бурно ликовали, начав с балконов пиротехническую пальбу, открыв, казалось, уже напрасно заготовленные по случаю ожидаемого триумфа ёмкости горячительного. И лишь потом наши борцы, боксеры словно «очнулись». Ольга Шишигина по праву стала тогда национальным героем для всех казахстанцев, независимо от этнической принадлежности. До сих пор памятен круг почёта Ольги Шишигиной по сиднейскому стадиону с полотнищем флага Республики Казахстан (статистика не знает, сколько в ту ночь было выпито алматинцами, казахстанцами).

По поводу первой постулируемой общности, о которой пишут отдельные казахские авторы – «братских тюркских народах». Писать в одной статье, на одной и той же странице о «великом полководце Кенесары» и «братских тюркских народах – казахах, узбеках, киргизах», с точки зрения элементарной логики странно. С точки зрения самого Кенесары, его и ныне здравствующих потомков, двое из которых Кенесарин и Кенесарина историки, авторы книг о Кенесары, чудовищно и кощунственно.

В предыдущей статье я уже приводил данные из книги историка Ермаханова Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XIX века». Кенесары воевал не только с русскими войсками за восстановление системы отношений, существовавшей при его деде Аблае. Формально за протекторат. Фактически за восстановление суверенитета. Аблай формально находился под двойным протекторатом России и Китая, фактически был суверенным правителем не только во внутренней, но и во внешней политике (подробнее: монография Р.Б.Сулейменова и В.А.Моисеева). Кенесары вёл войны и с узбеками Кокандского ханства, захватившими юг Казахстана от урочища Алматы и Медеу до Аулие-Аты (ныне Тараз) и Ак-Мечети (ныне Кызылорда), а также киргизскими манапами. В 1836 году, непосредственно перед началом восстания Кенесары 1837–1847 гг., ташкентским кушбеги были коварно убиты три брата Кенесары Саржан, Есенгельды, Ержан с 20 джигитами. Подчеркиваем, коварно.

Убиты не просто гости, а послы Касым-хана, причем во время праздничного застолья. Сам Кенесары неоднократно осаждал кокандские крепости Сузак, Аулие-Ата, Ак-Мечеть. Из песни (как и из истории) слов не выкинешь.

Комментаторы статьи конкретно по этим фактам не возражают. Лишь намекают на то, что Е. Бекмаханов не единственный историк, занимавшийся темой. К тому же изучал движение Кенесары полвека назад. Якобы есть и иные (позитивные?) оценки этих относительно недавних событий, акций кокандцев и манапов. Относительно недавних, поскольку часть казахов старшего поколения знают предков до седьмого колена. Многие узбеки, киргизы, русские и другие также знают в общих чертах, а иногда подробно, о своих прадедах и прапрадедах.

Блестящий историк Е. Бекмаханов действительно является до сих пор непревзойденным исследователем движения Кенесары. Поплатился за это свободой, был репрессирован. Сам выход в свет и последующий запрет книги имел широкий общественный резонанс в Казахстане. Об этом пишут в мемуарах Д. Кунаев («О моем времени», «От Сталина до Горбачева»), президенты Академии наук Казахстана К. Сатпаев, Ш. Чокан и многие другие, вплоть до секретаря ЦК КП Казахстана середины 1950-х гг. Л. Брежнева. Дочь историка Н. Е. Бекмаханова доктор исторических наук, возглавляла сектор истории народов Средней Азии и Казахстана Института истории РАН. Многим казахстанским историкам довелось общаться с ней в 1980-е годы в Москве.

Что касается языковых (лингвистических) общностей. У «пантюркистов» (термин в кавычках, условный, не оценочный) в ходу аргумент: «Все представители тюркоязычных народов без труда понимают друг друга». Казахи действительно отлично понимают каракалпаков. С трудом, лишь в общих чертах, понимают медленно произносимую узбекскую обиходную речь. Литературную и деловую не понимают. Не раз сталкивался с тем, как в крупных организациях Алматы пишущие по-казахски сотрудники корпели над несколькими страницами поступивших узбекских документов и в конце концов привлекали переводчика. Деловую, научную переписку не только из Узбекистана, но и из Туркестана (в большинстве сельских округов близ Туркестана лет десять назад вся документация велась на узбекском языке, как сейчас – не в курсе). Не говоря уже о татарской, якутской или турецкой речи. Специальность «переводчик с турецкого» весьма востребована во многих организациях и фирмах в Алматы.

То же можно сказать и об условных «панславистах». В этом легко убедиться, включив телевизор. Выступления депутатов Украинской рады по НТВ и ОРТ без русского перевода за кадром не понять. Скетчи российских юмористов – лишь пародия на украинский разговорный язык. Польский уже непонятен русским. Например, польский фильм без перевода непонятен (несколько сходных, узнаваемых слов не в счёт). Нормального, полноценного восприятия фильма нет. К вопросу о тюркоязычных народах или славянских народах, которые якобы предполагают и некое политическое единство, можно привести пример Хорватии и Сербии. Язык абсолютно один – сербохорватский.

Религия христианская: католичество – у хорватов, православие – у сербов. При этом – две разные нации, два разных государства. Распад Югославии (СФРЮ) в конце 1991 – начале 1992 гг. начался с сербохорватского конфликта и отделения Словении. Сербия и Хорватия никак не вписываются в схемы «лингвополитических» интеграционистов. Есть и другие примеры.

В повести австралийской писательницы Димфны Кьюсак «Солнце – это еще не всё!» австралийцы – выходцы из СФРЮ – принимают приехавшего по научному обмену молодого белградца. Действие происходит в 1970-е годы. Один из принимающих австралийцев долго слушает и вдруг спрашивает гостя:

– *Извините, вы кто?*

– *Я югослав.*

– *Я не знаю такой нации. Например, я хорват, а вы?*

– *Я серб”.*

Этнические стереотипы: синдром «Старшего брата»

Ряд казахских авторов-дилетантов уже лет десять пытаются «приватизировать» Чингисхана. Эта идея-фикс – прибрать к рукам потрясателя Вселенной, несколько удивляет. На первый взгляд, непонятно, почему казахские националисты не «прихватят», например, эмира Тимура. Непонятно, но только лишь на первый взгляд. Возможно, понимают отношение «братьев-узбеков» к своей истории. В Ташкенте найдется достаточно историков, которые могут аргументированно доказать необоснованность каких-либо подобных построений. Широко не афишируемая дискуссия, не выносимая на страницы прессы, исключительно в научных статьях и монографиях, между историками Узбекистана и Казахстана о ряде средневековых городов среднего течения Сырдарьи, велась еще в советское время, в 1970-е годы. Можно добавить, что в исследованиях ряда востоковедов СНГ прямая этническая преемственность населения Мавераннахра правления Тимура и кочевых узбеков времени Мухаммеда Шейбани не бесспорна. Другое дело – потомки некогда воинственных, а ныне занятых своими сложными экономическими и социальными проблемами (о чём свидетельствуют экономические показатели, репортажи) монголов, которых и всего в аграрной Монголии 2,5 млн., не намного больше, чем в одном научном, культурном и финансовом центре Казахстана – городе Алматы. При этом аргументация версии-гипотезы о Чингисхане неубедительна.

Узбекские авторы, издавшие в своё время в Ташкенте труд Махмуда Кашгари, в предисловии позиционировали его, как узбека, что вызвало резкую критику уйгурского историка из Алматы. Во всех учебниках истории Казахстана почти не говорится об этнической атрибуции государства Караханидов на территории Семиречья и Восточного Туркестана. В исторической литературе отмечается, что Махмуд Кашгарский, Юсуф Баласагунский были уйгурами. Кто же были насельники государства Караханидов? Данный аспект в казахстанских учебниках особо не освещается.

О нынешней ситуации, положении уйгуров в Узбекистане свидетельствует социолог, президент АСиП Бахытжамал Бектурганова в книге «Уйгурский экстремизм» в Центральной Азии: миф или реальность?» (Социологический анализ проблемы). – Алматы, «Комплекс», 2002 г.): «*На мой запрос в госдепартамент статистики Министерства макроэкономики Республики Узбекистан о численности уйгурского населения в республике я получила официальный отказ за подписью заместителя начальника Р. С. Махмудова в связи с невозможностью предоставить указанную информацию, т.к. статистический учет лиц уйгурской национальности в Узбекистане не ведется. По сообщению последнего, это обусловлено тем, что «лица уйгурской национальности в республике не проживают»* (стр.67).

Синдром «Старшего брата» проявлен и у татар. Ведущий татарский идеолог, советник президента РТ Рафаэль Хакимов в статье «Кто ты, татарин?», по сути, отрицает существование башкир, ногайцев и многих других, как самостоятельных этносов, и пишет:

«Большевики успешно продолжили эту политику. На карте появились узбеки, киргизы. Срочно изобрели башкирский язык и ряд национальных «атрибутов». Своеобразной визитной карточкой башкир стал характерный танец, в котором джигиты выступают в шапках с лисьими хвостами. Этот танец придумал и поставил на сцене Файзи Гаскаров – татарин, которому не дали квартиру в Казани, и он в 60-е годы уехал в Уфу. Это сценическая конструкция. И весь народ именно так сконструирован, но для политической сцены... Татары жили в Казани, Астрахани, Сибири, Касимове, Крыму, Мецкерской земле, ногайских, башкирских степях и т.д., а потому назывались по-разному: казанские, астраханские и сибирские татары, мишары, крымские татары, ногайцы и башкиры».

Далее Р. Хакимов продолжает: «Целая когорта ученых исследовала варианты эпоса «Идегей» и опубликовала казахский, ногайский, башкирский, татарский и другие варианты, в то время как автор-то был один, и язык был один, и дастан был один. По большому счету и народ был один».

С рядом положений автора можно согласиться, поскольку это отчасти актуально не только для татар, с другими – нет. Р. Хакимов сетует, с помпой прошли Всемирные конгрессы татар, реальных же дел нет. И восклицает: «*Неужели татары сегодня не способны на большее, чем проведение сабантуя? А где же были наши имамы и муфтии? Они построили много мечетей. Они стали хорошими прорабами.*»

Р. Хакимов прямо позиционирует татар, как «старших братьев» большинства тюркоязычных народов: «*Более того, ты должен объединить вокруг себя тюркские и другие народы, потому что когда страна запуталась, то кто-то должен брать на себя ответственность за наше общее будущее.*»

Что же касается башкир или мишар, сибирских или астраханских татар, то отличия в их речи укладываются в понятие говора татарского наречия, не более того».

Может быть, так думают только татары Татарстана? В изданной в Алматы книге Р.А. Ахметова «От скифов до татар. — Алматы, изд-во «ЛЕМ», 2001. — 78 с.» также много гипотез о древнейших культурных контактах «прототатар». Главы обозначены «Наследники скифов и гуннов», «Татарский путь», «Некоторые обобщения о роли «татарских народов». Р.А.Ахметов пишет: «Скифы — самые древние из известных татарских предков. Прабулгары являются прямыми потомками или вобрали в себя крымско-таманских, поволжских и, возможно, южно-сибирских и алтайских скифов» (стр.9). Автор — сторонник «булгарской» концепции этногенеза татар.

Автор статьи «Казахстанская национальная идея» выделяет некую общность — «славянские братские народы» Казахстана — русские, украинцы, поляки. Русские националисты-дилетанты, да и многие этнические русские Казахстана особо и не интересующиеся историей, в этом с ним согласны. Казалось бы, странное единение. Но лишь на первый взгляд, поскольку не учитывается «синдром старшего брата» у тех и других. Попросту незнание истории.

В разгар долгоиграющих президентских выборов ноября-декабря 2004 года приходилось не раз слышать от русских алматинцев по поводу этнического аспекта событий в Украине: «Я за В. Януковича, русские и украинцы один народ». В то же время в одной из телепередач все представители украинской диаспоры однозначно высказывались: «Я за В. Ющенко. Это выбор украинского народа». Украинцев Украины удивляет, почему русские продолжают говорить «на Украине», а не «в Украине». Понятно, почему. Слишком прозрачная аналогия.

Польское Королевство возникло уже в IX веке. Вся история Польши конца XVIII — пер. пол. XX вв. — череда 4-х разделов (1772 г., 1793 г., 1815 г., 1939 г.). Вопрос: кем? В XVIII-XIX вв. — Россией, Пруссией, Австрией, в XX веке — Германией и СССР. Царским режимом были жестоко подавлены польские восстания 1830-1831 гг., 1846 г., 1848 г., 1963-1864 гг.

В 1939 г. очень скоро после подписания пакта «Молотов-Риббентроп» 1 сентября в Польшу вторглись германские войска на западе, а затем и советские войска на востоке. Красной Армией были взяты в плен более 240 тыс. военнослужащих польской армии. Все пленники поступили в распоряжение НКВД. Из присоединенных к Союзу в сентябре 1939 года польских территорий были выслены 388 тыс. человек. Десятки тысяч поляков — в Казахстан.

В апреле 1940 г. в Катынском лесу НКВД было уничтожено свыше 15 тысяч польских пленных, офицеров, священников, предпринимателей. Все — цвет нации. Историк Наталья Лебедева, привлекая широкий круг источников, включая секретные материалы НКВД, в исследовании «Четвертый раздел Польши и Катынская трагедия» пишет:

«Предлагалось наряду с очисткой от местного населения 800-метровой полосы вдоль границы депортировать в районы Казахстана на 10 лет семьи репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных поляков, всего 22—25 тыс. семей.

Условия жизни в Казахстане были не многим лучше, чем в северных областях СССР. Жили чаще всего в землянках, мазанках, из-за отсутствия воды мылись крайне редко, в основном летом, когда вода нагревалась на солнце. Во многих поселках не было ни школ, ни больниц. Не привычен и тяжел был климат: летом жара доходила до +45°, зимой морозы в -50°. По степи рыскали волки, нападавшие на скот и людей.

[1940 г.] Военнопленных со станции Гнездово, ближайшей к Катынскому лесу, везли в «черных воронах» в сосновый бор, где группами уводили на расстрел. Расстреливали в мундирах, в орденах. Стреляли в затылок с близкого расстояния. Использовались немецкие пули 7,65 мм калибра.

По свидетельству английского посла при лондонском правительстве В. Сикорского Оуэна О'Маллея, сами поляки усматривали причину уничтожения офицеров и полицейских именно в желании разрушить фундамент, на котором могла впоследствии возродиться польская государственность, в подрыве основы польской нации».

В 1943 году в ходе наступления на Запад советских войск сотрудники НКВД «обнаруживают» массовые захоронения польских офицеров, якобы казненных СС. Пулевые ранения были от немецких «Вальтеров», применявшихся в 1940 г. НКВД (стволы «вальтеров» не так раскалялись при непрерывной стрельбе, почему и применялись группами ликвидаторов НКВД, подробнее: Н. Лебедева «Четвертый раздел Польши...»). Развёртывается пропагандистская кампания. В интересах объективности следует признать, что СС также в 1940 году предпринял ряд акций в отношении поляков, но только на территории оккупированной Западной Польши.

Большинство русских России, Казахстана слабо знают историю поляков, украинцев, всё еще подвержены ложным стереотипам «старшего брата», не знают устремлений поляков, украинцев Польши и Украины. Почему-то не задаются простым вопросом, что означают первые, ключевые строки гимна Польши и гимна Украины, сходство первых ключевых строк — «Еще Польша не згинела!» и «Ще не вмерла Украина!». Гимн Польши был сочинен в конце XVIII в., Украины — в нач. XX в.

Гимн Польши

«Jeszcze Polska nie zginęła,
Kiedy my żyjemy,
Co nam obca przemoc wzięła,
Szablą odbierzemy».

«Ещё Польша не погибла,
Пока мы живём.
Всё, что взято вражьей силой,
Саблями вернём».

Гимн Украины

«Ще не вмерла України
і слава, і воля,
Ще нам, браття молодії,
усімніється доля».

Почему у Великобритании гимн «Правь, Британия!»? У СССР «Союз нерушимый»? Почему «Еще Польша не погибла»? В Украине «Еще Украина не погибла»? Значит, главный вопрос был – угроза гибели государства, утрата независимости? Независимости от кого? Почему украинским «браття молодії усміхнется доля»?

Многим казахстанским историкам, бывавшим в командировке в Москве в конце 1980 – нач.1990-х гг., довелось общаться с заместителем мэра Москвы Г. Попова Сергеем Станкевичем, до избрания на высокий пост работавшим СНС Института истории Российской Академии наук (АН СССР). Часто посещавшим и опекавшим Институт истории РАН. Позднее, где-то в середине 1990-х С. Станкевич вспомнил о польских корнях, эмигрировал в Польшу. Где, несмотря на все запросы российских властей о выдаче, вероятно, обретается и поныне. Что, в общем-то, неудивительно, учитывая, например, то, что вплоть до 2001 года в Польше функционировал Чеченский информационный центр. Да и во Львове до недавнего времени одна из улиц носила имя Джохара Дудаева. Кстати, нашего земляка, каковыми являются также Аслан Масхадов и большинство чеченцев Чечни, ингушей Ингушетии 1944-1960 гг. рождения, в том числе и экс-президент Ингушетии, а в прошлом алматинец Руслан Аушев.

Тем, кто обращается к вопросам этнополитики, желательно знать предмет исследования, как теорию, так и реалии. Было бы желание. Быть просто внимательным в общении с представителями других этносов. Слушать не только «себя любимого», но и собеседников, избавиться от синдрома «Старшего брата» (казахам в Казахстане, русским в России, грузинам в Грузии, татарам в Татарстане, узбекам в Узбекистане и т.д.). Желательно исколесить в составе многолетних экспедиций по изучению памятников истории и культуры каждый из свыше 100 районов Казахстана, включая затерянные в горах Рудного Алтая деревни старообрядцев, отдаленные казахские аулы, кишлаки в районах компактного проживания узбеков в ЮКО, уйгуров в Алматинской области, польские селения в Акмолинской области.

На пользу, с точки зрения познания предмета исследования, в нашем случае этнополитики, самому поработать в стране, например, в Москве, в ДАСе (Доме аспирантов) – «Вавилонской башне», в которой смешались языки не только СНГ, но и мира, познавая менталитет самых разнообразных этносов, побывать и пообщаться с людьми в Ереване, Баку, Тбилиси, Ташкенте, Киеве и Львове.

Герои романа И. Ильфа и Е. Петрова читают вывеску на одном из ресторанчиков «Уважай себя, уважай нас, уважай Кавказ!». Конечно, шутка. Но весьма актуальная и поныне. С последовательностью тезисов можно согласиться. Логично. «Уважай себя» – естественно для любого адекватного человека. Не набивайся в «старшие братья» ни к кому, коли не просят. Как говорил Воланд Маргарите: «Никогда ни у кого ничего не проси! Сами придут и всё дадут!». «Уважай нас» – значит, не ставь себя выше других. Третий тезис (дело, конечно, не в конкретном Кавказе) – уважай страну пребывания, будь то курорт, город в дальнем зарубежье, историческая, настоящая или малая Родина.

Источники и литература

Источники

Казахстан за годы независимости. Инф.-аналит. сб. /Агентство РК по статистике. – Алматы, 2006. – 30 с.

Миграция населения РК. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Стат.сб. – Алматы, 2000. – С.78.

Данные Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты населения РК, МВД РК, Агентства РК по статистике.

Специальная литература

А.Р. Аклаев. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – Москва: Дело, 2005. – 472 С.

Р. Дарендорф. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы: Пер. с нем. – Москва: Издательство «Российская политическая энциклопедия». – 2002. – 228 с.

Л.М. Дробижева. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – Москва: Academia, 2002. – 376 с.

А.Г. Здравомыслов. Социология конфликта: Учеб. пос. для вузов. – Москва: Аспект Пресс, 1996 – 318 с.

Л.А. Козер. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г.Ионина. – Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.

Г. Маршалл. Стратификация. Социальное неравенство. Социальная мобильность. Статус, социальный статус / Из Оксфордского словаря социологии. Пер. с англ. В. И. Ильина / <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/Marshall.htm>.

Казахский трайбализм: состояние, особенности и пути преодоления: Аналитический доклад. – Алматы: ИРК, 1995.

У. Касенов, С. Жусупов, Р. Айткалиев, Н. Мустафаев. Потенциальные этноконфликты в Казахстане и превентивная этнополитика. – Алматы: КИСИ, 1997. – 38 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и ответ. Ред Л. М. Дробижева. – Москва: Academia, 2002. – 480 с.

Т.Б. Умбеталиева. Явление трайбализма в Казахстане // Казахстан-Спектр. – 2001. – № 3. – С.35-46.

Т.Н. Юдина. Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. – Москва: Академический Проект, 2006. – 272 с.

Приложение 1. Этнический состав населения Казахстана на начало января 2008 года

Таблица 1. Этнический состав населения Казахстана и регионов на начало 2008 года*

	Все этнические группы	в том числе:															Др. этнические группы
		Казахи	Русские	Узбеки	Украинцы	Уйгуры	Татары	Немцы	Корейцы	Азербайджанцы	Белорусы	Турки	Дунгане	Поляки	Курды	Чеченцы	
РЕСП. КАЗАХСТАН	15571506	9315658	3905607	450855	431157	237288	227472	221412	103159	91739	88801	87713	47617	40422	38849	36412	33404
АКМОЛИНСКАЯ	747447	330073	269589	822	48043	263	14929	30502	1313	1799	15318	109	61	9438	335	3564	236
АКТЮБИНСКАЯ	703660	545724	91370	650	35004	116	9770	6701	1333	1025	1905	46	4	253	20	1504	90
АЛМАТИНСКАЯ	1643278	1048131	296991	3084	9470	151446	14552	12701	16419	18521	1501	31525	1695	1662	14906	6336	612
АТЫРАУСКАЯ	490369	446866	32779	334	1247	56	2521	546	2740	309	274	72	12	29	1	141	36
ЗАП.-КАЗАХСТ.	615310	432809	143566	257	15572	70	9105	1527	784	1116	2795	33	45	164	0	1700	60
ЖАМБЫЛСКАЯ	1018845	700478	144910	24168	4578	2707	10708	6751	12687	11731	925	28399	39110	284	12679	2541	824
КАРАГАНДИНСКАЯ	1342081	583224	537776	2496	63763	720	34663	39415	13497	4137	17179	242	101	4728	251	5437	1098
КОСТАНАЙСКАЯ	894192	315123	367116	865	105288	160	17046	33434	3983	3679	19933	86	15	1892	17	2395	221
КЫЗЫЛОРДИНСКАЯ	632234	604892	12461	921	518	107	1795	165	7768	187	148	1065	2	20	2	747	86
МАНГИСТАУСКАЯ	407403	348493	38339	439	3347	97	2161	424	736	4051	434	23	11	59	11	788	51
ЮЖНО-КАЗАХСТ.	2331505	1630819	147105	403882	8531	3688	21695	3696	9764	29293	883	20591	72	201	8125	2505	26955
ПАВЛОДАРСКАЯ	746454	337281	290538	729	49618	265	15532	23926	1031	1892	6650	96	11	1168	30	1931	226
СЕВ.-КАЗАХСТ.	653921	216377	319079	1064	37580	143	14748	24237	511	1878	9078	139	5	15979	32	1096	870
ВОСТ.-КАЗАХСТ.	1417384	754289	590665	1140	11201	1422	22114	20286	1463	1479	3427	145	269	366	79	1707	276
АСТАНА г.а.	602684	372129	159464	3912	19376	524	11080	9559	4053	1767	5537	433	110	3021	377	1078	249
АЛМАТЫ г.а.	1324739	648950	463859	6092	18021	75504	25053	7542	25077	8875	2814	4709	6094	1158	1984	2942	1514

* Источник: Данные Агентства РК по статистике

Таблица 2. Этнический состав населения Казахстана и регионов на начало 2008 года*

(в процентах)

	Все этнические группы	в том числе:															Др. этнические группы
		Казахи	Русские	Узбеки	Украинцы	Уйгуры	Татары	Немцы	Корейцы	Азербайджанцы	Белорусы	Турки	Дунгане	Поляки	Курды	Чеченцы	
РЕСП. КАЗАХСТАН	100	59,83	25,08	2,90	2,77	1,52	1,46	1,42	0,66	0,59	0,57	0,56	0,31	0,26	0,25	0,23	0,21
АКМОЛИНСКАЯ	100	44,16	36,07	0,11	6,43	0,04	2,00	4,08	0,18	0,24	2,05	0,01	0,01	1,26	0,04	0,48	0,03
АКТЮБИНСКАЯ	100	77,56	12,98	0,09	4,97	0,02	1,39	0,95	0,19	0,15	0,27	0,01	0,00	0,04	0,00	0,21	0,01
АЛМАТИНСКАЯ	100	63,78	18,07	0,19	0,58	9,22	0,89	0,77	1,00	1,13	0,09	1,92	0,10	0,10	0,91	0,39	0,04
АТЫРАУСКАЯ	100	91,13	6,68	0,07	0,25	0,01	0,51	0,11	0,56	0,06	0,06	0,01	0,00	0,01	0,00	0,03	0,01
ЗАП.-КАЗАХСТ.	100	70,34	23,33	0,04	2,53	0,01	1,48	0,25	0,13	0,18	0,45	0,01	0,01	0,03	0,00	0,28	0,01
ЖАМБЫЛСКАЯ	100	68,75	14,22	2,37	0,45	0,27	1,05	0,66	1,25	1,15	0,09	2,79	3,84	0,03	1,24	0,25	0,08
КАРАГАНДИНСКАЯ	100	43,46	40,07	0,19	4,75	0,05	2,58	2,94	1,01	0,31	1,28	0,02	0,01	0,35	0,02	0,41	0,08
КОСТАНАЙСКАЯ	100	35,24	41,06	0,10	11,77	0,02	1,91	3,74	0,45	0,41	2,23	0,01	0,00	0,21	0,00	0,27	0,02
КЫЗЫЛОРДИНСКАЯ	100	95,68	1,97	0,15	0,08	0,02	0,28	0,03	1,23	0,03	0,02	0,17	0,00	0,00	0,00	0,12	0,01
МАНГИСТАУСКАЯ	100	85,54	9,41	0,11	0,82	0,02	0,53	0,10	0,18	0,99	0,11	0,01	0,00	0,01	0,00	0,19	0,01
ЮЖНО-КАЗАХСТ.	100	69,95	6,31	17,32	0,37	0,16	0,93	0,16	0,42	1,26	0,04	0,88	0,00	0,01	0,35	0,11	1,16
ПАВЛОДАРСКАЯ	100	45,18	38,92	0,10	6,65	0,04	2,08	3,21	0,14	0,25	0,89	0,01	0,00	0,16	0,00	0,26	0,03
СЕВ.-КАЗАХСТ.	100	33,09	48,79	0,16	5,75	0,02	2,26	3,71	0,08	0,29	1,39	0,02	0,00	2,44	0,00	0,17	0,13
ВОСТ.-КАЗАХСТ.	100	53,22	41,67	0,08	0,79	0,10	1,56	1,43	0,10	0,10	0,24	0,01	0,02	0,03	0,01	0,12	0,02
АСТАНА г.а.	100	61,75	26,46	0,65	3,21	0,09	1,84	1,59	0,67	0,29	0,92	0,07	0,02	0,50	0,06	0,18	0,04
АЛМАТЫ г.а.	100	48,99	35,02	0,46	1,36	5,70	1,89	0,57	1,89	0,67	0,21	0,36	0,46	0,09	0,15	0,22	0,11

* Источник: Данные Агентства РК по статистике

Таблица 3. Распределение отдельных этносов в регионах Казахстана на начало 2008 года

(в процентах)

	Все население (этнические группы)	в том числе:																
		Казахи	Русские	Узбеки	Украинцы	Уйгуры	Татары	Немцы	Корейцы	Азербайджанцы	Белорусы	Турки	Дунгане	Поляки	Курды	Чеченцы	Таджики	Др. этнические группы
РЕСП. КАЗАХСТАН	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
АКМОЛИНСКАЯ	4,80	3,54	6,90	0,18	11,14	0,11	6,56	13,78	1,27	1,96	17,25	0,12	0,13	23,35	0,86	9,79	0,71	9,84
АКТЮБИНСКАЯ	4,52	5,86	2,34	0,14	8,12	0,05	4,30	3,03	1,29	1,12	2,15	0,05	0,01	0,63	0,05	4,13	0,27	3,81
АЛМАТИНСКАЯ	10,55	11,25	7,60	0,68	2,20	63,82	6,40	5,74	15,92	20,19	1,69	35,94	3,56	4,11	38,37	17,40	1,83	6,42
АТЫРАУСКАЯ	3,15	4,80	0,84	0,07	0,29	0,02	1,11	0,25	2,66	0,34	0,31	0,08	0,03	0,07	0,00	0,39	0,11	1,12
ЗАП.-КАЗАХСТАНСКАЯ	3,95	4,65	3,68	0,06	3,61	0,03	4,00	0,69	0,76	1,22	3,15	0,04	0,09	0,41	0,00	4,67	0,18	2,67
ЖАМБЫЛСКАЯ	6,54	7,52	3,71	5,36	1,06	1,14	4,71	3,05	12,30	12,79	1,04	32,38	82,13	0,70	32,64	6,98	2,47	7,18
КАРАГАНДИНСКАЯ	8,62	6,26	13,77	0,55	14,79	0,30	15,24	17,80	13,08	4,51	19,35	0,28	0,21	11,70	0,65	14,93	3,29	15,59
КОСТАНАЙСКАЯ	5,74	3,38	9,40	0,19	24,42	0,07	7,49	15,10	3,86	4,01	22,45	0,10	0,03	4,68	0,04	6,58	0,66	10,72
КЫЗЫЛОРДИНСКАЯ	4,06	6,49	0,32	0,20	0,12	0,05	0,79	0,07	7,53	0,20	0,17	1,21	0,00	0,05	0,01	2,05	0,26	0,63
МАНИСТАУСКАЯ	2,62	3,74	0,98	0,10	0,78	0,04	0,95	0,19	0,71	4,42	0,49	0,03	0,02	0,15	0,03	2,16	0,15	3,71
ЮЖ.-КАЗАХСТАНСКАЯ	14,97	17,51	3,77	89,58	1,98	1,55	9,54	1,67	9,47	31,93	0,99	23,48	0,15	0,50	20,91	6,88	80,69	6,40
ПАВЛОДАРСКАЯ	4,79	3,62	7,44	0,16	11,51	0,11	6,83	10,81	1,00	2,06	7,49	0,11	0,02	2,89	0,08	5,30	0,68	7,26
СЕВ.-КАЗАХСТАНСКАЯ	4,20	2,32	8,17	0,24	8,72	0,06	6,48	10,95	0,50	2,05	10,22	0,16	0,01	39,53	0,08	3,01	2,60	5,19
ВОСТ.-КАЗАХСТАН	9,10	8,10	15,12	0,25	2,60	0,60	9,72	9,16	1,42	1,61	3,86	0,17	0,56	0,91	0,20	4,69	0,83	3,30
АСТАНА г.а.	3,87	3,99	4,08	0,87	4,49	0,22	4,87	4,32	3,93	1,93	6,24	0,49	0,23	7,47	0,97	2,96	0,75	4,68
АЛМАТЫ г.а.	8,51	6,97	11,88	1,35	4,18	31,82	11,01	3,41	24,31	9,67	3,17	5,37	12,80	2,86	5,11	8,08	4,53	11,48

* Источник: Данные Агентства РК по статистике

Приложение 2. Данные о численности оралманов, прибывших из иностранных государств за период с 1991 года по 2007 год

Таблица 1. Численность оралманов, прибывших из иностранных государств за период с 1991 года по 2007 год*.

№ №	Наименование областей	Всего количество прибывших		По странам														
				Монголия			Китай			Россия			Узбекистан			Туркменистан		
		сем.	чел.	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1	Акмолинская	7051	36036	4001	20669	57,36	241	1491	4,1	557	2435	6,8	2185	11096	30,8	31	170	0,5
2	Актюбинская	6076	29734	215	1121	3,77	17	124	0,4	734	1916	6,4	4643	24340	81,9	435	2157	7,3
3	Алматинская	27306	94810	3650	14896	15,71	8759	30107	31,8	409	931	1,0	12931	43542	45,9	516	1817	1,9
4	Атырауская	3229	12604	2	7	0,06	0	0	0,0	637	1201	9,5	2482	11008	87,3	64	221	1,8
5	В.-Казахстанская	6482	26232	1403	6387	24,35	4397	17346	66,1	152	437	1,7	460	1819	6,9	10	44	0,2
6	Жамбылская	11375	66401	5	13	0,02	221	1095	1,6	82	194	0,3	9396	57021	85,9	808	3360	5,1
7	З.-Казахстанская	2819	13008	2	2	0,02	5	32	0,2	1062	2950	22,7	1701	9849	75,7	17	69	0,5
8	Карагандинская	11437	41033	3888	18465	45,00	593	1784	4,3	138	323	0,8	6651	19884	48,5	27	96	0,2
9	Костанайская	5151	20543	502	2503	12,18	0	0	0,0	988	2712	13,2	3615	15180	73,9	11	36	0,2
10	Кызылординская	3361	16417	4	9	0,05	3	6	0,0	63	132	0,8	3134	15600	95,0	43	203	1,2
11	Мангистауская	23243	80106	0	0	0,00	3	4	0,0	732	2198	2,7	10781	34275	42,8	11300	41806	52,2
12	Павлодарская	5533	25694	2696	14096	54,86	0	0	0,0	1412	4193	16,3	1425	7405	28,8	0	0	0,0
13	С.-Казахстанская	5586	27808	1291	7457	26,82	0	1	0,0	1187	3619	13,0	3101	16692	60,0	1	3	0,0
14	Ю.-Казахстанская	44545	149897	13	28	0,02	81	144	0,1	363	777	0,5	39407	128257	85,6	874	3956	2,6
15	г. Алматы	1597	5931	227	1000	16,86	479	1722	29,0	162	433	7,3	494	1860	31,4	50	225	3,8
16	г. Астана	1070	5045	325	1681	33,32	102	471	9,3	217	871	17,3	342	1625	32,2	35	186	3,7
	ИТОГО	165861	651299	18224	88334	13,56	14901	54327	6,3	8895	25322	3,9	102748	399453	61,3	14222	54349	8,3

* Источник: Данные Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты населения (2008 г.).

№ №	По странам																											
	Таджикистан			Киргизия			Турция			Украина			Азербайджан			Молдова			Армения			Афганистан			Иран			
	Сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	
1	15	16		17	18		19	20		21	22		23	24		25	26		27	28		29	30		31	32		
1	0	0	0	29	134	0,4	1	4	0,01	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2	6	12	0,04	9	18	0,1	0	0	0,00	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	17	46	0,15	
3	51	185	0,2	403	1110	1,2	436	1588	1,67	3	4	0,004	1	1	0,0011	1	1	0,001	0	0	0	66	238	0,251	65	345	0,36	
4	15	65	0,52	7	11	0,1	0	0	0,00	3	7	0,056	2	2	0,0159	1	1	0,008	1	4	0,0317	14	70	0,555	0	0	0	
5	13	56	0,21	35	118	0,4	0	0	0,00	2	3	0,011	2	3	0,0114	1	5	0,019	0	0	0	3	6	0,023	1	1	0	
6	152	630	0,95	595	3391	5,1	1	5	0,01	2	4	0,006	0	0	0	0	0	0	0	0	0	14	69	0,104	29	171	0,26	
7	10	32	0,25	13	48	0,4	0	0	0,00	0	0	0	2	3	0,0231	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
8	3	10	0,02	136	468	1,1	1	3	0,01	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
9	9	34	0,17	4	14	0,1	0	0	0,00	5	14	0,068	4	18	0,0876	5	11	0,054	1	4	0,0195	0	0	0	0	0	0	
10	27	120	0,73	64	249	1,5	14	54	0,33	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	20	0,122	4	23	0,14		
11	2	3	0	19	36	0,0	71	346	0,43	4	7	0,009	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	4	0,005	327	1423	1,78	
12	0	0	0	0	0	0,0	0	0	0,00	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
13	2	9	0,03	4	27	0,1	0	0	0,00	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
14	2344	10106	6,74	117	253	0,2	258	1078	0,72	5	10	0,007	3	3	0,002	1	3	0,002	1	1	0,0007	348	1517	1,012	609	3227	2,15	
15	22	73	1,23	98	375	6,3	54	212	3,57	3	9	0,152	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	6	0,101	4	11	0,19	
16	3	21	0,42	43	183	3,6	0	0	0,00	1	2	0,04	0	0	0	1	3	0,059	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
	2659	11356	1,74	1576	6435	1,0	836	3290	0,51	28	60	0,009	14	30	0,0046	10	24	0,004	3	9	0,0014	452	1930	0,296	1056	5247	0,81	

№ №	По странам																													
	Латвия			Венгрия			Болгария			Пакистан			Белоруссия			Грузия			Израиль			Сауд.Арав.			Дания			Др. страны СНГ		
	сем	чел.	%	сем	чел.	%	Се м.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем.	чел.	%	сем	чел	%	сем	чел	%	сем	чел	%
1	33	34		35	36		37	38		39	40		41	42		43	44		45	46		47	48		49	50		53	54	
1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	37	0,10
2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,00
3	1	1	0	0	0	0	0	0	0	3	14	0,015	1	1	0	1	4	0	0	0	0	4	18	0,019	1	3	0	4	4	0,00
4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	7	0,06	
5	0	0	0	0	0	0	2	4	0,015	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	3	0,01	
6	0	0	0	0	0	0	0	0	0	68	442	0,666	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	6	0,01	
7	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7	23	0,18	
8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,00
9	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7	17	0,08	
10	1	1	0,01	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,00
11	0	0	0	1	1	0	1	1	0,001	0	0	0	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,00
12	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,00
13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,00
14	0	0	0	0	0	0	0	0	0	99	453	0,302	3	3	0	1	4	0	1	1	0	16	75	0,05	0	0	1	1	0,00	
15	2	5	0,08	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,00
16	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	0,04	
	4	7	0	1	1	0	3	5	0,0008	170	909	0,14	5	6	0	2	8	0	1	1	0	20	93	0,014	1	3	0	30	100	0,02

25.11.2016.

4872

Н.И. Мустафаев

**ЭТНИЧЕСКИЕ, МИГРАНТСКИЕ
КОНФЛИКТЫ И ПРЕВЕНТИВНАЯ ЭТНОПОЛИТИКА**

Подписано в печать 30.11.2009 г.

Гарнитура «Times New Roman»

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 13826

Типография «SA Print Service»

г. Алматы, пр. Абая, 68/74.

Тел: 266-55-87; 375-69-62; факс: 375-61-10

e-mail: sa_pr@mail.ru